
ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Уборка пшеницы в колхозе «Дружба», Теучежского района.

АДЫГЕЯ: ЛЕГЕНДЫ И

На строительстве Краснодарского водохранилища.

Фото К. КАСПИЕВА.

АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ — 50 ЛЕТ

БЫЛЬ

М. С. ХУТ,
председатель Адыгейского облисполкома, депутат Верховного Совета РСФСР

Для нас, адыгов, год 1972-й знаменателен дважды: празднуя вместе со всем советским народом пятидесятилетие образования СССР, мы отмечаем и другой юбилей — 27 июля 1922 года была создана наша автономная область. Полвека назад адыгейский народ впервые за свою многовековую историю обрел национальную государственность. И все, что достигнуто нами за минувшие полвека,— яркое свидетельство преимуществ советского строя, торжество ленинской национальной политики, дружбы и братства народов СССР.

Легенда о смерти и жизни

Умирают ли народы? Да. Классический пример — адыги в предреволюционные годы. Некоторые

Зерно нового урожая.

КУРСОМ ДРУЖБЫ

Развитие сотрудничества, укрепление дружбы и братского союза социалистических стран вновь продемонстрировала состоявшаяся недавно в Москве XXVI сессия Совета Экономической Взаимопомощи.

В Коммюнике о XXVI сессии Совета Экономической Взаимопомощи отмечается: прошедший год подтвердил правильность линии на развертывание процесса углубления и совершенствования сотрудничества и развитие социалистической экономической интеграции.

Участники сессии дали высокую оценку результатам проведенной в странах и органах СЭВ работы по реализации Комплексной программы и подчеркнули ее важное политическое и экономическое значение для социально-экономического прогресса каждой страны, для дальнейшего сплочения стран — членов СЭВ и усиления воздействия содружества социалистических государств на все мировое развитие.

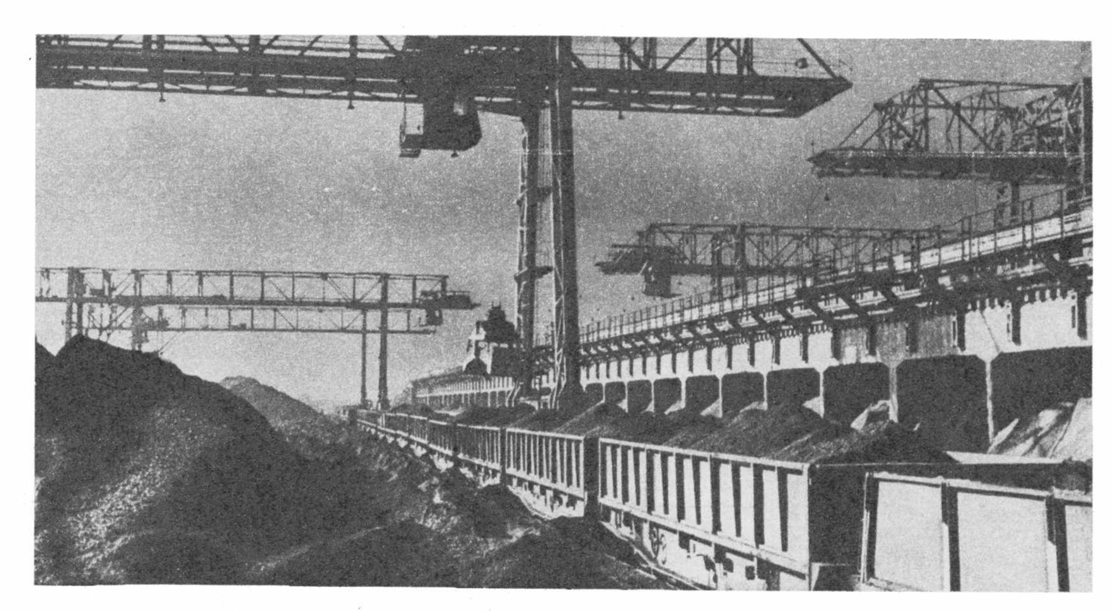
XXVI сессия Совета Экономической Взаимопомощи вынесла единодушное решение о приеме в члены СЭВ Республики Куба. Ее участие в деятельности СЭВ будет способствовать успешному решению задач социалистического строительства на острове Свободы.

Большое место в работе сессии СЭВ занял вопрос дальнейшего совершенствования сотрудничества в области плановой деятельности, более тесной координации народнохозяйственных планов. По существу положено начало совместной работе над будущими пятилетними и перспективными планами.

Предстоящие две пятилетки должны как никогда раньше поднять экономику социалистических стран в интересах их народов, в интересах мира и социального прогресса, отметил в своем выступлении после подписания протокола сессии главами делегаций Председатель Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгин.

Работа XXVI сессии проходила в духе полного взаимопонимания и дружбы.

Фото ЦАФ — ТАСС, ЧТК — ТАСС.

Журавица-Медыка — эту пограничную с Советским Союзом станцию единодушно называют «сухим» портом народной Польши. Через железнодорожную станцию проходят бесконечным потоком транзитные грузы из Советского Союза для народной Польши, Чехословакии и ГДР. А навстречу им движутся товары Польши.

На снимке: криворожская руда. Отсюда она кратчайшим путем по электрифицированной магистрали поступит на металлургический комбинат имени В. И. Ленина в Новой Гуте.

Трасса международного транзитного газопровода «Восток — Запад» проходит по Словакии. На два месяца раньше установленного срока закончен монтаж 80-километрового отрезка газопровода на сложной трассе от советско-чехословацкой границы до местечка Велка Ида в районе Кошице.

ученые в то время убежденно предсказывали, что через полвека адыги канут в вечность, исчезнут. Судите сами: девяносто четыре процента неграмотных, смертность, превышающая рождаемость, тощие, жалкие урожаи (за двадцать предшествующих революции лет средний урожай пшеницы с гектара был 4,8 центнера; а в 1971 году средний урожай в области составил 38 центнеров с гектара). Полное отсутствие промышленности. Болезни и эпидемии не встречали преград: не было ни одного медицинского учреждения (сейчас их более трехсот). Адыги не имели никаких прав.

На этом фоне прогнозы ученых о вымирании адыгов выглядели вполне убедительно. И они бы сбылись, если бы в Адыгею не пришла революция, не пришла Советская власть. Адыги строили новую жизнь, всегда чувствуя заботу о себе других народов-братьев, в особенности русского народа.

Сейчас промышленность и сельское хозяйство Адыгеи по всем показателям стоят в одном ряду с самыми развитыми областями страны. Продукция наших промышленных предприятий известна во многих краях страны, известна она и за рубежом. Сельские труженики Адыгеи возделывают в общей сложности более шестидесяти видов различных злаков, фруктов, технических и эфирномасличных культур. На адыгейской земле возводятся такие гидротехнические сооружения, как комплекс Краснодарского моря с искусственным водохранилищем объемом в три миллиарда двести миллионов кубометров!

Говорят: скажи, сколько книг ты прочел, скажи, какие книги ты читаешь,— и все сразу узнают, кто ты. Адыгея читает много. Наши библиотеки и читальни ныне располагают многомиллионными книжными фондами. Произведения наших писателей — а до революции адыги и письменности не имели — расходятся теперь по всему миру.

Партия Ленина указала нашему народу путь к счастью, к новой жизни!

Легенда о силе богатырской

У адыгейского народа богатый фольклор. Наиболее известны сказания о нартах — богатырях. Уже вышло несколько томов сказаний о них. Но если бы собрать рассказы о подвигах и великих делах потомков нартов, сынов Советской Адыгеи, то понадобилась бы не одна сотня томов.

Ни в чем не уступали сказочным нартам адыги-воины. Из нашей области ушли на Великую Отечественную войну десятки тысяч солдат и офицеров. Многим из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди первых Героев — адыгейский поэт Хусейн

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 30 (2351)

22 ИЮЛЯ 1972

„ВЕНЕРА-8“ — У ЦЕЛИ

У исследователей космоса снова напряженные дни. На повестке дня сегодня планета Венера. Та, что кажется теперь нам такой знакомой. А вот ученым, может быть, еще более загадочной.

Завершается очередной межпланетный полет. 27 марта нынешнего года в рейс отправилась наша космическая станция — «Венера-8». Поясним и напомним, что Венера летит по своей орбите вокруг Солнца быстрее, чем Земля, которая находится от него значительно дальше. Тогда, в день старта, две планеты разделяло 120 миллионов километров. 17 июня Венера как бы догнала Землю: расстояние между ними сократилось при этом до 43 миллионов километров, после чего «утренняя звезда» стала светить с каждым днем чуть слабее. Сегодня она удалилась от нас уже на 65 миллионов километров.

Если говорить строго, то старт межпланетной станции был произведен не в направлении Венеры, а в направлении, обеспечивающем встречу станции с планетой, которая сама отмеряет ежесекундно в пространстве по 35 километров. Так что межпланетный полет — своего рода космическая стрельба по движущейся мишени. Теперь нетрудно понять, почему собственный путь станции «Венера-8» к планете превышает 300 миллионов километров.

Итак, прошло уже почти четыре месяца полета. Финиш совсем близок. Если б на борту автоматической станции находился человек и наблюдал планету в телескоп или какой-нибудь астроориентатор, то глазам его сейчас являлась бы стремительно надвигающаяся и все увеличивающаяся в размерах громада, окутанная густой и непробиваемой пеленой облаков. Пытливые ученые наблюдали их у Венеры еще не один век назад. Но наземному наблюдателю никогда не доведется увидеть, что скрыто за этими облаками. Как, впрочем, никогда, по крайней мере в пределах обозримого будущего, не окунется в атмосферу планеты корабль с космонавтами. 500 градусов и 100 атмосфер — таковы условия у поверхности планеты. В них способен «выжить» лишь автомат. Кстати, именно автоматы и помогли установить эти условия, подтвердив тем самым свое единственно возможное право на непосредственное изучение Венеры.

...Тревожно гудит сирена на исполинской восьмизеркальной антенне Центра дальней космической связи. Антенна медленно поворачивается в том направлении, где сейчас находится наша станция. Теперь можно сказать даже больше — в направлении самой планеты. Начинается очередной сеанс связи. Ювелирная работа. Множеством радиошумов, как звучанием миллиардов неорганизованных оркестров, наполнен космос. И среди них один упорядоченный звук, одна сольная партия — голос станции «Венера-8».

Десятки таких сеансов проведены с начала полета. Радиоизмерения параметров траектории дали возможность баллистикам устанавливать, насколько точно выдерживается курс на цель. Телеметристы проверяли, нет ли неполадок на борту. Астрофизики интересовались научными измерениями, выполнявшимися на межпланетной трассе. Так, например, приборы измеряли солнечную радиацию. Это своего рода солнечный дозор. То, что эти исследования получили «гражданские права» в космосе, уже не новость. Важно, что эти работы стали систематическими. И очень важно еще то, что они теперь выполняются из значительно разнесенных одна относительно другой точек заатмосферного пространства. Вот примеры. Станция «Венера-7» в позапрошлом году исследовала солнечные и галактические космические лучи одновременно с радиометром, установленным на «Луноходе-1». Затем сам луноход в минувшем году проводил те же измерения одновременно с автоматическими станциями «Марс-2» и «Марс-3». Теперь «Венера-8» выполняет исследования радиации параллельно с солнечными космическими обсерваториями — станциями «Прогноз» и «Прогноз-2», летающими по околоземным орбитам. Такие исследования очень важны для ученых: они помогают им лучше разобраться в природе солнечных процессов и в характере распространения солнечного излучения в космической среде. А причастность Солнца ко многим явлениям, происходящим на нашей планете, устанавливается все больше и больше буквально с каждым годом.

В Центре дальней космической связи готовятся к завершающему сеансу связи. Станция «Венера-8», все более захватываемая полем тяготения планеты, ускоряет свой бег. При входе в раскаленную атмосферу Венеры от станции должен отделиться круглой формы спускаемый аппарат, и начнется самое главное. Аппарату надлежит плавно опуститься в атмосфере и передать на Землю бесценные данные, которые получат установленные на нем приборы...

В. ЛЕВСКИЙ,
научный сотрудник

Андрухаев, который погиб, защищая Украину. Прах адыгов лежит в братских могилах всех стран, по которым прошла война.

Прорвавшись на Северный Кавказ, фашисты на семь месяцев оккупировали Адыгею. Но операция «Эдельвейс» — захват Закавказья и выход на границы с Ираном и Турцией — гитлеровцам не удалась. Фашистские армии не смогли перевалить через Кавказский хребет. В этих сражениях Советской Армии большую помощь оказывали наши партизаны.

Несмотря на вражескую оккупацию, адыгейский народ оставался полным хозяином своей земли. Мощное партизанское движение не давало фашистам ни секунды покоя. Тридцать карательных экспедиций провели оккупанты и не добились никакого результата.

Адыги-партизаны сражались не только на родной земле. Гитлеровцы, которые держали линию обороны против легендарных партизан Брянщины в районе Клетнянских лесов, долго ломали головы над таким явлением: каждый раз после очередного налета партизан на стенах домов появлялись надписи на каком-то неизвестном языке. Решив, что это шифр, фашисты сфотографировали их и отправили на дешифровку в Берлин. Оттуда пришел ответ: надписи сделаны на адыгейском языке, они гласят: «Приду еще. Кто будет следующий?» Позже выяснилось, что автором этих надписей был партизанский разведчик адыг Ахмет Баташев: взяв очередного «языка», он считал своим долгом оставить «визитную карточку».

За победу над фашизмом более десяти тысяч солдат и офицеров, партизан из Адыгеи были удостоены правительственных наград.

Ну, а разве мало у нас сейчас богатырей, совершающих трудовые подвиги? Рабочие, инженеры, техники, рисоводы, земледельцы, механизаторы и животноводы — их каждодневные подвиги во славу Родины заслужили высочайшую оценку партии и народа.

При активной помощи России у нас выросли национальные кадры ученых, художников, музыкантов, актеров, замечательных спортсменов. Богатыри-нарты даже не мечтали о том, что книги, рассказывающие об их подвигах, станут на полки университетских библиотек США, Англии, Франции и десятка других стран.

Об истоках богатырской силы адыгейского народа хорошо сказано в народной пословице: «У нас двести пятьдесят миллионов братьев и сестер!»

Легенда о будущем

Гости из капиталистических стран иногда спрашивают у нас: «Откуда у вас такая уверенность в разговорах о будущем?»

В одной сказке старик так поучал внука: «Если хочешь узнать, что с тобой будет завтра, то подумай о том, как ты жил вчера и позавчера».

Этого совета, конечно, далеко не достаточно для научного прогноза, но в нем есть и доля мудрости. Если оглянуться назад, во вчерашний день, то мы увидим Адыгею, разрушенную фашистами,— они нанесли народному хозяйству убыток в один миллиард рублей! Однако великая дружба народов вновь сделала ее цветущей землей. Столь мощный скачок мы могли совершить только благодаря братской помощи всех народов страны и прежде всего русского народа. Эту помощь мы ощущаем повседневно. И поэтому так уверены мы в выполнении задуманного...

Все наши сегодняшние успехи — это фундамент для дальнейших успехов. Горизонты будущего раскрыты перед нами XXIV съездом КПСС. Горизонты эти необъятны и вдохновенны. И — самое главное — при всей своей грандиозности они реальны и конкретны. Дело за нами. А мы уж постараемся!

После съезда в Майами-Бич

Сергей ЛОСЕВ

Теперь, когда Джордж Макговерн от имени демократической партии сделал официальную заявку на кресло в Овальном кабинете Белого дома, руководители предвыборной кампании республиканцев ломают головы над диагнозом: какие же подспудные силы сделали сенатора от штата Южная Дакота кандидатом в президенты Соединенных Штатов? Советники нынешнего президента, которым кандидатура «опасного радикала» еще совсем недавно казалась залогом непременного раскола демократической партии и гарантией «легкой победы» Р. Никсона на ноябрьских выборах, вынуждены сейчас иначе воспринимать «феномен Макговерна». «Вашингтон пост» обращает внимание на то, что после усилий США оказать военное давление на ДРВ, «изолировать Ханой» путем массированных бомбардировок и минирования северовьетнамских портов представители президента Никсона возвратились на парижские мирные переговоры — точно в тот самый момент, когда демократическая партия выдвинула своим кандидатом в президенты человека, который пообещал вывести Соединенные Штаты из этой войны. Но такие обещания давались претендентами на пост президента США и в ходе предыдущих предвыборных кампаний. Очевидно, и в Белом доме сознают, что возобновление четырехстороннего совещания по Вьетнаму после более чем двухмесячного перерыва, вызванного саботажем со стороны США, является последним шансом положить конец вьетнамской авантюре до того, как в Соединенных Штатах состоятся президентские выборы. Другое дело — будет ли использован этот шанс.

В 1968 году поражение демократической партии предопределилось задолго до ноября. Когда июльский съезд в Чикаго вопреки настоятельным требованиям Джозефа Маккарти и робким пожеланиям Губерта Хемфри под диктовку Линдона Джонсона одобрил дальнейшую поддержку продажной военной диктатуры в Сайгоне, один из делегатов съезда откровенно заявил мне: «Мы обрекли сами себя на продолжение войны». В Чикаго партийные боссы отгородились колючей проволокой от сил, добивавшихся пересмотра вьетнамской политики США, отдали эти силы на расправу полиции и национальным гвардейцам.

Сейчас вызывает опасение то обстоятельство, что в некоторых своих последних заявлениях Макговерн обусловил полный вывод американских войск с периферии Вьетнама освобождением попавших в плен американских военнослужащих.

Большинство американских политических обозревателей все еще предсказывают, что победу в ноябре одержит республиканский претендент. Причину этому следует искать прежде всего в непоследовательности и противоречивости платформы демократов в области внутренней политики. Глубину нынешних социально-экономических затруднений, переживаемых Соединенными Штатами, открыто признают многие американские политические деятели, принадлежащие к обеим партиям крупного капитала. Губернатор штата Нью-Йорк миллиардер Нельсон Рокфеллер предостерегает, например, что если не будут выделены необходимые средства для преодоления кризиса городов, то «вспыхнут такие мятежи, о которых мы раньше и не слыхивали».

В этих условиях мало словесного признания необходимости выдвинуть на первый план не интересы США за рубежом, а внутренние неотложные нужды страны. Изменение приоритетов требует реального перераспределения средств. В период первичных выборов в выступлениях Макговерна, хотя он и не выходит за рамки буржуазных реформ, содержались конкретные элементы такого перераспределения. Он предлагал сократить военный бюджет на 32,5 миллиарда долларов в год. Еще 28 миллиардов долларов в год предполагалось извлечь в результате повышения налогов на корпорации и высокие доходы, закрытия разного рода лазеек, позволяющих миллионерам не платить ни единого цента налога. Но конкретизации этих планов нет ни в выступлении Макговерна на съезде, ни тем более в платформе демократической партии. Съезд отказался включить в предвыборную программу конкретное предложение сенатора Харриса о реформе налоговой системы, а в речи Макговерна появилась стандартная для вашингтонского лексикона фраза: «Мы должны быть сильными в военном отношении». Выступая против вмешательства США в судьбы других народов, против «чрезмерной поглощенности делами за границей», сенатор от Южной Дакоты, соревнуясь с Белым домом за поддержку сионистского лобби, настаивает одновременно на продолжении американской военной помощи Израилю, которая ставит под угрозу безопасность и суверенитет всего Арабского Востока и чревата вовлечением США в новые авантюры израильских экспансионистов.

Наконец, наряду с энергичными высказываниями в поддержку майских соглашений между СССР и США, заключенных в Москве, лидеры демократов включили в платформу измышления о «порабощенных народах» Восточной Европы и иной вздор. «Симбиоз» подобных несовместимых положений выдают за «разумный компромисс», призванный якобы обеспечить Макговерну поддержку всех элементов, включая расиста Уоллеса, ставленника военно-промышленного комплекса Джексона, закоснелого в антикоммунизме председателя АФТ — КПП Мини, банковских и финансовых кругов.

Но какое влияние окажут эти компромиссы на ту новую комбинацию сил, которая обеспечила Макговерну первоначальный успех и которую сам сенатор называет коалицией молодежи, антивоенного движения, жителей пригородов, фермеров, рабочих-негров, мексиканцев американского происхождения? Политические противники Макговерна уже сейчас стараются внушить избирателям, что платформу демократической партии «не следует принимать всерьез».

После снижения конгрессом возрастного избирательного ценза с 21 до 18 лет в этом году впервые примут участие в выборах 25 миллионов молодых избирателей, которые больше всего жаждут перемен, отхода от политики постоянной лжи, породившей в стране «кризис доверия». Поддержит ли эта молодежь кандидатуру Макговерна? Ответ мы получим только в начале ноября.

22 июля —
День возрождения
Польши

ЧЕТЫР

Виталий АЛЁШИН

В этом маршальском кабинете не видно примет военного мастерства и карта на стене — совсем не стратегическая, задернутая обычно шторками, а просто школьная карта Польши. Старинные часы в позолоте, такой же музейный гобелен. Пламенные гвоздики на зеркальных инкрустированных столах. По тому, какое обилие гвоздик и как они расставлены, можно догадаться, что это любимые цветы хозяина кабинета — вице-маршала сейма. Так в Польше называется пост заместителя председателя сейма. Занимает его Халина Скибневская. Почему же тогда в заголовке «четыре портрета вице-маршала»? Итак, портрет первый.

АРХИТЕКТОР

Кажется, предусмотрела все, что можно было предусмотреть. И если бы в этом новом микрорайоне оказалась книга жалоб и предложений, ее наверняка исписали бы одними благодарностями. И все-таки однажды в проектное бюро к Скибневской явилась делегация жильцов с... ультиматумом! Парламентер постарше, шмыгнув носом, сурово сказал:

— Во всей Польше дети имеют право рисовать на улице, где захотят, только у тебя нельзя. Ты же нам обещала поставить стенды для рисования! Так вот, мы больше ждать не можем!

Действительно, обещала и строителей уговаривала. Но ведь этот последний мазок — «сверхпроектный», а у строителей тоже каждый кирпичик на счету... Ультиматум самых юных жильцов вместе с тем и благодарность. За все: за муки творчества, за перепалку с прорабами, за саму идею — все для удобства человека. В архитектуре, в строительстве не может быть мелочей, каждый штрих в чертеже так или иначе пересекается с человеческой жизнью.

Каждый человек хранит в памяти облик родного дома. А как сделать так, чтобы в наши дни, в век типового строительства, новосел, получивший квартиру в новом микрорайоне, не путал свой дом с соседними? На профессиональном языке архитекторов это называется «интенсификацией» окружения, «эмоциональными связями», объясняет мне пани Халина. Любой домком бессилен привить жителям квартала то, что мы называем «чувство дома», если дом этот им не полюбился и не запал в сердце, как свой.

Откуда к ней пришла эта мечта-проект? Из довоенных варшавских рабочих слободок, где количество жилого пространства на душу населения исчислялось чуть ли не в квадратных сантиметрах? Или, может, из кошмарных дней войны, когда фашистские бомбы терзали Варшаву? А может быть, эта мечта вызвана признанием: «Я коренная варшавянка. Варшава, по-моему, самый прекрасный город, а Висла — самая красивая река!»?

А теперь о том, как рождалась

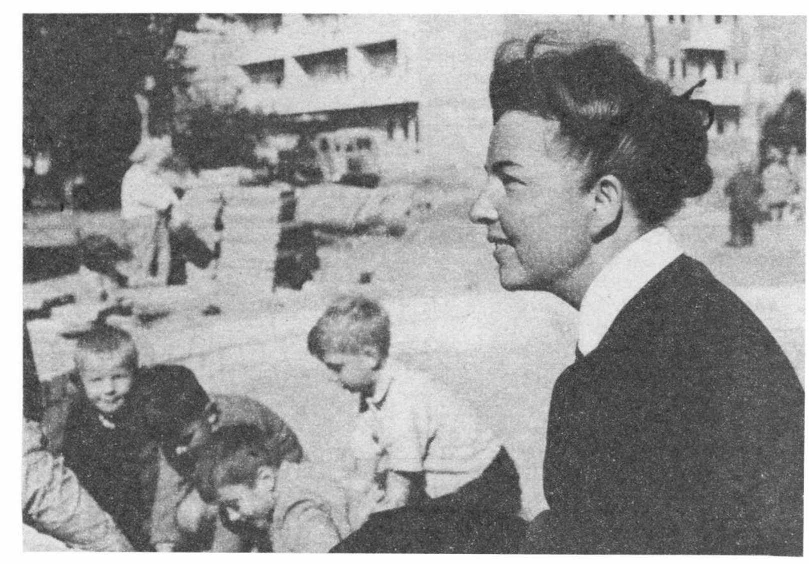
Е ПОРТРЕТА ВИЦЕ-МАРШАЛА

архитектор Халина Скибневская 1938 год — конкурсные экзамены на архитектурном факультете Варшавского политехнического института. Потом годы оккупации, окончание женской архитектурной школы в Варшаве; учеба на подпольном факультете архитектуры Варшавского политехнического и в подпольной «общественной студии» университета; участие в Варшавском восстании; деятельность в рядах молодежной социалистической организации «Пломене»; работа в архитектурной мастерской и первые самостоятельные проекты — детские сады и ясли. Кратко, но за всем этим, может быть, полжизни.

Двадцать семь лет назад Халина Скибневская построила первый самостоятельный объект. На общественных началах она помогала строить школу в Радковицах, в горах. От села после войны «рожки да ножки остались». Вместе с крестьянами Халина таскала кирпичи, красила стены, расставляла парты. В благодарность и по сей день в том селе большинство женского населения — Халины.

Когда-то она начала со школы. А сейчас — снова школа, уже вторая из серии так называемых «интегральных». Это совсем новый тип школы, в которой соединяются клуб, дом пионеров, народный университет. В стенах ее идет вся внеклассная работа, сюда же по вечерам приходят родители учеников и просто жители квартала. Здесь дети не только воспитываются, а растут в непосредственном общении со старшими, чего им так не хватает порой в обычной «классической» школе.

Если бы мы захотели объехать все, что связано с именем Халины Скибневской в самой Варшаве и в других польских городах, понадобился бы не один день. Одних только микрорайонов по ее проектам построено более десяти. Восстановлены памятники старины, национальный театр, дом Войска Польского... С пятьдесят седьмого года началась целая архитектурная эпоха Халины Скибневской: первая крупная работа ее — новый район столицы — Сады Жолибожа. Имя зодчего выбито здесь на памятной плите. За эту работу Скибневская была удостоена Государственной премии и первой премии в конкурсе «Мастер Варшавы».

Халина Скибневская в Жолибоже. Фото Марека Хольцмана.

УЧЕНЫЙ

Халина Скибневская принадлежит к тому поколению, которое было «приговорено к героизму». И какую жизненную силу надо было иметь народу, чтобы под пятой фашистов, поставивших целью физически истребить целую нацию, не только противостоять оккупантам, но и думать о будущем! И непокорившаяся Варшава, уже тогда, в те тяжелые дни, готовила специалистов для будущей стройки.

На занятия подпольного факультета шли как на явочную квартиру, под угрозой ареста, а может быть, и пули. Любимый профессор и кумир Халины — Стефан Брыла — свою последнюю лекцию о гражданственности прочитал студентам чуть ли не под пулей. Его расстреляли гестаповцы в дни восстания.

Сегодня его бывшая «подпольная» студентка готовит кадры молодых зодчих в том же Варшавском политехническом институте. Проектирование жилья — очень нужная сейчас Польше специальность. Можно только позавидовать удивительной цельности профессионального облика Халины Скибневской. Ее научная деятельность — продолжение практики («Сначала построю докторскую диссертацию, потом напишу»), а весь опыт целиком — студентам.

Сегодня в Польше говорят об архитектурной школе доктора технических наук Халины Скибневской. Одна из последних ее работ — зависимость между потребностями семьи и жильем, сплав урбанистики с социологией, итог двенадцати лет архитектурно-строительной практики и научных обобщений. В чем ее суть?

До сих пор в Польше принято было исходить из чисто количественных характеристик: квартира на двоих, троих и т. д. Но ведь есть семьи стабильные и есть развивающиеся. Двое — это могут быть молодые супруги, и двое — пожилая пара. В кварталах Скибневской такие особенности учтены. Для молодых, развивающихся семей — квартиры с «эластичной» планировкой, которые легко перестраиваются в зависимости от перемен в семье. Для пожилых — первые этажи с отдельными входами в каждую квартиру прямо с улицы, точнее, из палисадника: старики любят покопаться в земле.

— С архитектором люди связаны всю жизнь, начиная от родильного дома,— говорит моя собеседница.— Дом, школа, кинотеатр, танцевальный зал — все, все это служит человеку и потому должно быть красиво, уютно. А у нас в социалистической стране, где нет разделения на привилегированных и непривилегированных, мы должны строить целесообразно и красиво даже при ограниченных средствах.

Вот та теория и практика, которую несет студентам доктор технических наук Халина Скибневская.

ДЕПУТАТ

В сейм, высший орган государственной власти народной Польши, Халину Скибневскую избрали семь лет назад. С самого начала она возглавила комиссию строительства и коммунального хозяйства, одновременно став председателем группы беспартийных депутатов.

18 февраля 1971 года архитектора Скибневскую избрали вице-маршалом сейма. Впервые за всю историю польского парламента этот высокий пост заняла женщина.

Забот прибавилось: кроме строительства и коммунального хозяйства, охрана природы, лесное хозяйство, здравоохранение и социальное обеспечение, спорт и туризм, организация и оплата труда. Прошедший год принес немало добрых перемен. Повысилась зарплата рабочим большинства отраслей промышленности, увеличились оплачиваемые отпуска женщинам в связи с рождением ребенка, медицинское обслуживание на селе теперь идет по городским стандартам, повсеместно улучшились условия труда и ускорились темпы строительства жилья (последнее правительственное постановление на 30 процентов увеличило расходы по этой статье) — все это прошло через сейм, его комиссии.

Все эти государственные заботы показались бы, наверное, гораздо более тяжелыми вице-маршалу сейма Скибневской, если бы не ее добровольные помощники. Она их находит повсюду, среди молодежи и людей пожилых. Так было, например, когда она «загорелась» проектом экспериментальной жилой застройки для престарелых, который теперь уже осуществляется.

— Вот так и живем,— говорит вице-маршал.— Встаю в шесть пятнадцать и сразу — в мастерскую, а дальше — дела, дела, дела...

ПОЛИТИК

Человек, построивший дом, не способен его разрушить. Он готов сделать все от него зависящее, чтобы дома никогда не разрушались.

«Глубокие общественно-политические перемены в нашу эпоху произошли на всех континентах. Ход событий в современном мире зависит не только от дипломатов и государственных деятелей. Все более важную роль в решении судеб человечества стала играть общественность различных стран» — это строки из доклада заместителя председателя Польского комитета за безопасность и сотрудничество в Европе Халины Скибневской, которая возглавляла польскую делегацию на Консультативной встрече европейской общественности в Брюсселе в начале этого года.

— Война... Не люблю о ней вспоминать.— Тень легла на лицо вице-маршала.— Самое страшное — это принуждение и страх. Тогда нет человека! Ненавижу принуждение и страх и потому не люблю вспоминать о войне. Но европейская безопасность для Польши не пустые слова. То, что пережило наше поколение, не должно повториться. А такая проблема, как охрана естественной среды? Ведь Европа располагает половиной мирового производства и научных кадров. Что может более укрепить наш общий континентальный дом, как не совместное использование этих сил для разумного сосуществования с природой?

...Я едва успеваю записывать. Уже побаиваюсь, что слишком долго расспрашиваю: время-то государственное! Впечатление такое, что мы беседуем несколько часов,— так много всего прошло, промелькнуло перед глазами.

К сказанному мне остается только добавить, что на состоявшихся последних выборах в сейм Халина Скибневская была снова избрана в высший орган власти Польской Народной Республики.

Варшава.

Эдуард БАСКАКОВ

— Ты стар, вождь, но ты не мудр. Как мог ты продать белым людям наш прекрасный Манхэттен всего-навсего за 24 доллара! — с горечью сказала индийская девушка седому вождю племени.

— Ты молода и красива, но ты неопытна и не умеешь смотреть в будущее,— с улыбкой ответил вождь.— 24 доллара — небольшие деньги, но через несколько веков белые люди так изуродуют остров, что мы сможем выкупить его обратно всего за «пятерку»...

Эта невеселая, в сущности, шутка, уже не раз прозвучавшая с экранов американского телевидения, пользуется сейчас у ньюйоркцев огромной популярностью. Ведь каждый американец со школьной скамьи знает, что в свое время европейские купцы-пройдохи действительно «приобрели» Манхэттен у доверчивых индейцев в обмен на ящик со стеклянными бусами общей стоимостью ровно 24 доллара. И любой нью-йоркский житель на собственном опыте ежедневно убеждается в том, что жизнь на Манхэттене, как, впрочем, и во всем Нью-Йорке, становится просто невыносимой.

Трущобы, безработица, преступность, неполадки на транспорте, дороговизна, загрязнение воздуха — это далеко не полный перечень невзгод, навалившихся на жителя Манхэттена...

Все усложняющиеся «технические проблемы» большого города тесно переплелись здесь со все обостряющимися социальными

ПРОГУЛКА ПО МА

проблемами капиталистического общества в целом. И в итоге Манхэттен, где когда-то индейцы охотились на быстроногих оленей, превратился сейчас не только в один из самых крупных и богатых городов мира, но и в один из самых не приспособленных для жизни уголков земли.

Впрочем, не хочу, чтобы меня неправильно поняли. Манхэттен и сейчас временами, по-моему, очень красив. Если, например, самолет вечером заходит на посадку к аэродрому имени Джона Кеннеди с юга-запада и если ветер с океана разогнал скопившийся в ущельях-улицах смог, тогда через иллюминаторы хорошо видна многоцветная пляска огней на прямых лентах авеню, пересекающих остров с севера на юг. Сверху кажется, что город празднует какое-то радостное событие, будто бы на Манхэттене царит всеобщее веселье, коробки небоскребов выглядят сказочными дворцами... И еще мне нравится Манхэттен весной, когда зацветают персиковые и тюльпановые деревья вокруг Гудзона, в Центральном парке и даже на Бродвее, зацветают, несмотря на смог, на бензиновые пары, на те миллионы тонн сажи, которые, если верить газетам и собственному носовому платку, ежегодно высыпаются на город из заводских труб.

Он, конечно, очень разный, этот Манхэттен. В лавчонках-центовках на грязных улицах негритянского Гарлема сбывают за гроши бобовые консервы двадцатилетней давности, а на Уолл-стрите открытая парковка для автомашины обходится в 6—7 долларов только за один день. В фешенебельных магазинах на Пятой авеню этой весной пользуются особенным спросом французские зонтики по 52 доллара за штуку, а в барах Вест-Сайда торгуют из-под полы наркотиками, завезенными контрабандистами из Южного Вьетнама, и умудренные опытом бармены держат под фартуками револьвер. Похожие на генералов швейцары у подъезда гостиницы «Уолдорф — Астория», где останавливаются президенты и короли, а в ночлежке для бездомных, которую открыли на Третьей авеню, собираются по вечерам люди, словно только что участвовавшие во мхатовском спектакле «На дне».

Даже когда говорят о Нью-Йорке, то обычно имеют в виду в первую очередь манхэттенский Бродвей. И это оправдано, наверное, если говорить не только о центральном отрезке улицы в средней части города, где разместились самые популярные нью-йоркские театры, рестораны и увеселительные заведения с несколько сомнительной репутацией. Многомильный Бродвей в целом, пожалуй, самая типичная улица Нью-Йорка, потому что на ней увидишь все, чем живет этот огромный город.

Бродвей начинается на самом юге Манхэттена — отсюда хорошо видна установленная на крохотном островке залива статуя Свободы. И хотя маленький пароходик, перетаскивающий туристов к подножию гигантской скульптуры, в погожие весенние дни, как правило, переполнен, традиционный символ Нового Света давно утратил свое былое очарование в глазах американцев. Статуя Свободы стала излюбленным объектом для американских карикатуристов, а сам островок становится местом проведения бурных антивоенных демонстраций.

Южный Бродвей застроен «деловыми» зданиями. Да и Уолл-стрит здесь, по соседству. Это район «белых воротничков». В часы «ланча», когда лакированные «кадиллаки» уносят боссов в рыбные рестораны Ист-Сайда, на тротуарах здесь толчея, не пробиться! Молодые клерки в нестерпимо ярких галстуках и тонконогие секретарши жуют на ходу «хот-доги» — дешевые сосиски в булочке, которые продаются на улице постоянно настороженными пуэрториканцами. Уличные продавцы «хот-догов» — это в большинстве случаев не имеющие патента бедняки. Им всегда угрожает отнюдь не желательная встреча с одним из 30 тысяч нью-йоркских полицейских, а затем с одним из 442 городских судей, которые действуют против этих «нарушителей закона» гораздо эффективнее, чем против 4 310 известных в Нью-Йорке активистов мафии.

Девушки, облаченные в оранжевые фирменные накидки, раздают прохожим малюсенькие пачки сигарет. С тех пор, как официально запрещено рекламировать сигареты по американскому телевидению, табачные фирмы нашли этот «путь к сердцу курильщика». Клерки берут рекламируемые сигареты, потому что магазинная цена пачки обыкновенного «Кента» или «Марльборо» подскочила за последние несколько лет с 20 до 60 центов.

Стою, прислушиваясь к разговорам «белых воротничков». «Мани, мани, мани...» («Деньги, деньги, деньги...»)—это главная тема. Ведь запоздавшая в этом году весна, с трудом перевалившись через серые небоскребы Уолл-стрита, так и не смогла «разморозить» провозглашенную правительством политику замораживания заработной платы. А цены почти на все товары все растут и растут.

Если нет особой спешки, к северу отсюда лучше идти пешком, хотя под железными решетками тротуара гремит «подземка»: старое нью-йоркское метро, построенное еще в начале века, пожалуй, самое дорогое и, уж бесспорно, самое плохое в мире. 35 центов, которые положено отдать за входной жетон — тоукен, не только не гарантируют быстрого проезда по городу, но, напро-

НХЭТТЕНУ

тив, очень часто обещают часовые простои в душном тоннеле. Нью-йоркская печать давно требует реконструкции городского «сабвея», однако ни предприниматели, которые повышают цены за проезд, ни городские власти, которые повышают налоги, не желают раскошеливаться, и по стертым рельсовым путям до сих пор громыхают вагоны 30-х, а то и 20-х годов рождения.

Можно, конечно, воспользоваться автобусом. В Нью-Йорке есть отличные автобусы, которые за те же 35 центов обеспечат пассажиру не только передвижение, но и кондиционированный воздух, что в условиях жаркого и влажного нью-йоркского лета, как говорится, не роскошь, а суровая необходимость.

Вот только тащатся эти автобусы буквально со скоростью черепахи, затертые в плотном потоке частников, сквозь который не могут пробиться даже вооруженные пронзительными сиренами полицейские «доджи» и «плимуты».

Словом, лучше идти пешком, тем более на улице солнце и весна и цветут персиковые деревья... Да и разве можно в конце концов как следует рассмотреть город из окна автобуса?

Близ знаменитого Гринвич-Вилиджа — района студентов и художников — крепкоплечие, длинноволосые парни почти наверное вручат вам листовку с приглашением посетить антивоенный митинг. (Я, между прочим, спрашивал их, чем вызвана у них эта мода — носить длинные волосы. И, знаете, что мне ответили? Если только министр обороны США М. Лэйрд вдруг отпустит длинную шевелюру, противники войны во Вьетнаме сразу же подстригутся под «ежик».)

Возможно, что от монашки в черной косынке вы получите приглашение заглянуть в оффис знаменитой сейчас в Нью-Йорке гадалки «сестры Евы», которая, как утверждает отпечатанная типографским способом рекламная листовочка, «предсказывает будущее и вселяет в сердца надежду».

Что ж, в надежде на лучшее будущее очень и очень нуждаются сейчас миллионы ньюйоркцев. И те, кто по утрам выстраивается в очередь у биржи труда, и те, которым предстоит платить по 60 долларов за каждый день пребывания в больнице, и те, кто ждет повестки с приказом явиться на армейский призывной пункт... Впрочем, тротуар вокруг монашки засыпан брошенными листовочками: судя по всему, ньюйоркцы не очень-то уверены в магических способностях «сестры Евы», тем более что за ее «совет» придется уплатить 20 долларов.

Ну, какую, скажите, надежду может предложить «сестра Ева» той пожилой женщине, которая появилась недавно на одном из бродвейских скввериков с портретом молодого, красивого парня на груди? Говорят, мать сошла с ума, получив на сына «похоронную» из Сайгона...

Центральная часть Бродвея — на Пятидесятой и Шестидесятой улицах — быстро меняется. Бешеными темпами ее застраивают небоскребами крупные банковские, торговые и промышленные компании.

Строят здесь, надо сказать, споро: через какие-нибудь полгода уже не узнать улицу. Почти не заметишь сейчас у подножий стеклянных домов-гигантов некогда внушительный монумент Христофору Колумбу, сооруженный в честь легендарного первооткрывателя Америки. Во многих районах Бродвея исчезли дома-развалюхи, а вместо них выросли ультрасовременные корпуса-коробки. Вот только куда подевались прежние жильцы? Многие ли могут платить 400—500 долларов в месяц за трехкомнатную квартирку на Бродвее?

Строят понемногу даже на самом севере Манхэттена, в Гарлеме. Но и там цены на жилье растут значительно быстрее, чем дома. Потому-то в негритянском гетто многие квартиры в новых домах с самыми современным ваннами и кухнями, оборудованными по последнему слову техники, годами стоят пустыми, а подавляющее большинство гарлемских жителей ютится в переполненных сверх всяких норм трущобных строениях.

И еще одно бросится в глаза любому посетителю Гарлема — руины. Нью-Йорк никогда в истории не знал войны, на Манхэттен никогда не падали бомбы, а вот руин здесь куда больше, чем скввериков. Многие дома, сгоревшие еще пять-шесть лет назад в ходе бурных негритянских волнений, так и стоят невосстановленными. А другие обветшалые строения просто-напросто брошены хозяевами, которые без труда подсчитали, что расходы на ремонт никак не окупятся в этом районе бедняков.

Здесь не моют тротуары мылом — «по-швейцарски», как вокруг рокфеллеровских зданий на Пятидесятой улице, сюда неделями не добираются даже мусороуборочные машины. Смуглокожие ребятишки копаются в отбросах или гоняют пустые жестяные банки из-под кока-колы прямо на мостовых. И хотя в Гарлеме в отличие от других районов Манхэттена не видно чадящих заводских труб, чахлые кустики в здешних сквериках никак не решаются наконец расцвести...

Я спросил как-то у своего знакомого, старого гарлемского жителя, какой район гетто ему нравится, но в ответ он только недоуменно пожал плечами. «Пожалуй,— говорит,— я больше всего люблю отсюда смотреть, как в вечернем небе летят самолеты, подмигивая красными и зелеными огнями. Это самое красивое зрелище в Гарлеме».

Нью-йоркское отделение ТАСС, по телефону специально для «Огонька».

●

Ист-Сайд — деловая часть Нью-Йорка.

●

Разгон антивоенной демонстрации нью-йоркской полицией.

Фото ТАСС, ЮПИ.

СМОТРЮ НА МИР

Радуга

Сеть белая
свисает с тучи черной.
Сеть так бела!
А туча так черна!
Земля черна...
И шепчут листья, корни:
«Дождь
посылает нам весна!»

И просыпается во мне
пытливый,
радостный ребенок...
Сейчас
по всей голубизне,
от горизонта к горизонту
протянется и заблестит
весны обнова —
пояс-диво!
И говорят,
кто пробежит
под ним,
тот будет жить счастливо.

Когда б людей
созвать я мог,
я б побежал к воротам света...
Но трудно это.
Путь далек.
Да сбудется ль еще примета?
Чтобы людей созвать сюда,
понадобятся, верно, годы.
Исчезнет пояс без следа
по первой прихоти природы...

Слежу
с надеждой и тоской
за разноцветной
аркой счастья...
Быть может, вёсны надо мной
небесный свод
уж не украсят...
Пускай.
Я не пойду. К чему
мне счастье это
одному?

Новые улицы

Сперва была дорога, шла из дали
в наш город,
вся в опилках и в пыли...
Потом дорогу улицей назвали
и именем каким-то
нарекли.
На ней валялись кирпичи и бревна,
репейник вылезал со всех сторон,
и не была еще она любовно
людьми одета
в зелень и в бетон.
Еще не знала пыльная дорога
ни шумных перекрестков,
ни углов,
а уж в ее пыли
виднелось много
больших следов
и маленьких следов.
Одни поглубже — словно у хозяев
на сердце груз,
другие так легли,
как будто бы, едва земли касаясь,
счастливцы здесь
за выигрышем шли.
Следы от ног босых
и ног обутых
перерезали линии колес...
И так прошло,
кто знает, сколько суток,
пока вокруг дороги
город рос.
Дома вставали,
и росли кварталы,
и окна их
оглядывали ширь.
И постепенно
го́рода началом
стал этот пыльный,
нежилой пустырь.

И вот уж от дороги
потянулись,
образовав
два правильных угла,
ряды прекрасных
строящихся улиц,
как ветки
от могучего ствола...

Спросите их —
они не позабыли
ту суету и радость
первых дней,
следы
тех грузовых автомобилей,
что привозили
мебель и людей.
Они расскажут,
как в снегу дороги
менялся след
ботинок и колес,
как вырастали
маленькие ноги
и как следы их
первый снег занес...
Какие почки дали пустоцветы,
какие ветки принесли плоды,
откуда в эти окна
дули ветры,
к ним донося
весенний шум воды...

Спросите эти новые кварталы,
недавно заселенные дома,
как снег лежал под солнцем
грязно-талый,
как треснул лед
и как прошла зима...

Я слушал улицы
в часы ночные,
я с ними говорил наедине,
их радости,
тревоги их живые
невольно проникали
в сердце мне.
Я понял:
есть язык у них и память,
и чужды им
пристрастие и злость.
Так пусть расскажут нам
бетон и камень
о том,
что им увидеть
довелось.

ИЗ ПЕСЕН АФРИКИ

Голос из темноты

Есть ли конец,
есть ли конец
не отходящим ни на шаг,
не уступающим лучам,
не улыбающимся нам
ночам,
ночам?
Облако в небе — черный корабль.
Черной тоски тюрьма.
О мир, где жизнь,
как ночь, черна!
Есть ли конец
ночам,
ночам?
Кончится ль эта тьма?

Эхо

Нелегкий путь предстоит тебе.
Пройди его за годом год.
Сын человеческий в борьбе
свою свободу обретет.

Голос

Мы ждем,
пожелтели наши зрачки.
Вереницей печали
идут года.
Когда рассыплется
крепость тоски?
Горечь ночей?
Когда, когда?

Эхо

Не жди, что с неба Прометей
огонь добудет,— не мечтай!
Пока ты жив,
рви сталь цепей,
рви и бросай,
рви и бросай!
Знай:
Прометей — легенда, миф,
ты сам займись
своей судьбой.
Лишь тот воспрянет, победив,
кто за свободу
примет бой!

Перевела с азербайджанского
М. ПАВЛОВА.

З. Голава (Тбилиси). ПОРТРЕТ ШАХТЕРА А. ЦИБЫ.

А. Жабский (Москва). АГИТПОЕЗД.

Выставка произведений молодых художников.

Ин. ПОПОВ

СЕКРЕТ УСПЕХА

Его у нас полюбили сразу и безоговорочно, хотя сенсация взорвалась — пожалуй, это звучит наиболее точно — лишь на третьем туре конкурса имени Чайковского летом 1958 года, во время исполнения Третьего концерта Рахманинова... Все, начиная от членов жюри и кончая мгновенно возникшей многотысячной армией безудержных поклонников таланта, захлебывались от восторга...

Юрий Александрович Шапорин в антракте убеждал меня, что именно так играл молодой Рахманинов или, во всяком случае, очень похоже... Через несколько месяцев я решился на весьма рискованный эксперимент: прокрутил подряд две записи Третьего концерта Рахманинова — Клиберна и затем авторскую... «Лобовое» столкновение с гениальнейшим пианистом двадцатого века оказалось, конечно, безжалостным: возникло немало «эмоциональных разночтений», и, как правило, в пользу автора: иной была драматургия формы целого, как и трактовка многих деталей... Но, странное дело, это не помешало мне ощутить, что Шапорин, в общем, был прав... Трактовка Клиберна, бесспорно, могла претендовать на выдающуюся художественную ценность, и, что самое существенное, творческая суть его пианизма во многом шла от рахманиновских принципов...

Сказывается это прежде всего в том, что Клиберн, как и Рахманинов, трактует фортепиано прежде всего и главным образом как инструмент мелодический, кантиленный, хочется даже сказать, вокальный по своей природе. Кантилена — широкое, распевное дыхание свободно льющихся мелодий — господствует в игре Клиберна. Вторая рахманиновская черта его облика — ярчайшая эмоциональность, динамичная темпераментность музыкальных образов. И третья — уверенная лепка крупной формы, которая порождена симфонизмом и несет его могучее дыхание в фортепианную музыку...

Рахманинов — наиболее крупный и глубинно-почвенный представитель русской фортепианной школы. И, видимо, поэтому-то Клиберн получил первое — и столь безоговорочное — признание именно у нас!.. Кстати, американский пианист учился у воспитанницы Московской консерватории Розины Левиной, что он сам неоднократно подчеркивал в своих высказываниях.

Не было ли в «клиберномании» элемента скоропреходящей сенсационности? Со времени первого конкурса имени Чайковского прошло четырнадцать лет — срок немалый! — а любовь советских слушателей к Клиберну ничуть не угасла, напротив, стала устойчиво-прочной... Каждый его приезд к нам превращался в праздник музыки... И так было недавно, когда Клиберн в очередной раз приехал на гастроли в СССР.

Пианист подтвердил, что он упорный труженик; характерные черты его таланта сохранились и обрели большую определенность; Клиберн по-прежнему страстно любит романтиков, эмоционально-порывистую музыку. Фортепиано по-прежнему поет у него с почти вокальной объемностью звука... Но появилось и новое. Ширится образная палитра. С тонким проникновением в изысканную звукопись импрессионистов играл Клиберн, в частности, пьесы Дебюсси. Еще строже лепит Клиберн форму больших звуковых полотен... Вот только с трактовкой бетховенской «Аппассионаты» я не вполне согласен: на мой взгляд, пианист слишком ее лиризует, отходя от накала страстей, бушующих в этой изумительной музыке...

А знаете, в чем еще секрет успеха Клиберна? В поразительном обаянии его личности — прямой, душевно открытой, удивительно сердечной. Она и сама по себе тянет, как магнит, окрашивая особым светом творчество выдающегося пианиста современности.

Фото Д. Сорокина.

ПРОЧТИТЕ ЭТО!

Молодые, красивые лица смотрят на нас с обложки тринадцатого номера журнала «Театральная жизнь». Это актеры Карачаево-Черкесского драматического театра Л. Озова и А. Аджиев в спектакле «Ленинградский эшелон»...

Перелистываем пестрые, со множеством других актерских портретов страницы журнала... Премьера на земле Коми... Пьеса татарского писателя на башкирской сцене. Спектакль Северо-Осетинского театра, сыгранный в далеком горном селе... Дебют актрисы в Бугульме... Образы русской драматургии в трактовке мордовского режиссера... И со многими еще интересными начинаниями, замыслами, поисками и свершениями театров всех шестнадцати автономных республик Российской Федерации знакомит нас журнал, целиком посвятив очередную книжку их работе в год полувекового юбилея Советской власти.

Яркие, своеобразные таланты, совместно развивающие искусство социалистического реализма, получили возможность невиданного расцвета именно в условиях подлинной дружбы, все более крепнущих связей, животворного обмена творческим опытом.

Собирая и изучая этот опыт с любовью и вниманием, журнал предоставляет слово мастерам сцены, драматургам, деятелям культуры и искусства, партийным работникам автономных республик. И в каждом выступлении снова и снова на первый план выступает мысль о единстве национального и интернационального в жизни народов-братьев, строящих коммунизм.

Как же тесно и прочно переплетаются сегодня актерские судьбы с судьбами народными!.. Счастье современного художника в том, что он творит не для узкого круга «избранных», а для трудящихся масс, для всего общества.

Советский народ на мировой арене выступает как монолит, как невиданное ранее сообщество, но сколько же в нем граней, сколько цветов и красок, сколько живых, самобытных характеров! И все это чудесное многообразие призваны воссоздать театры страны. Думается, очень интересное предложение делает «Театральная жизнь» об обмене постановочными группами между театрами разных республик. Это будет еще один ценный подарок людей искусства к большому празднику — юбилею Советского государства.

Н. ПАВЛОВА

Сигизмунд КАЦ,
композитор

ОДЕССКИЕ НЕОЖИДАННОСТИ...

Одессита не спутаешь ни с киевлянином, ни с москвичом; от одессита всегда жди какой-нибудь неожиданности, чаще всего, впрочем, радостной и веселой. И мы, хорошо знающие одесситов из Театра музыкальной комедии, конечно, ждали, чем на этот раз они удивят нас и обрадуют во время гастролей.

Этим удивительным стали две премьеры одесского театра, показанные на сцене Московского театра оперетты.

Кто не знает пьесу А. Корнейчука «В степях Украины»?! Эта комедия триумфально обошла, наверное, все театры страны. И смешная, и назидательная, и обличительная, и жизнеутверждающая, она в самых разных трактовках режиссеров и актеров неизменно становилась одним из любимых зрителями спектаклей, гвоздем репертуара. И, казалось бы, возможности драматургии были уже полностью исчерпаны. Но вот А. Борисову и Г. Фере удалось отыскать еще одну грань пьесы, «переложив» «В степях Украины» в либретто для музыкальной комедии.

Композитор Борис Александров написал музыку. И это тоже не было случайностью. Ведь знаменитая «Свадьба в Малиновке», став по праву классикой советской музыкальной комедии, проложила путь совершенно новому жанру — от оперетты к музыкально-юмористической публицистике в театре. «Свадьба» опять-таки была создана Борисом Александровым.

Новый спектакль «Кому улыбаются звезды» привезли из Одессы в Москву. Успех ошеломительный!

Одесский театр — добрый знакомый жителей столицы и ее гостей... Шла в Москве и музыкальная комедия «На рассвете», положившая начало своеобразному сценическому триптиху на тему об Одессе, продолженному спектаклем «Четверо с улицы Жанны», а теперь завершенному новой опереттой «У родного причала» В. Соловьева-Седого на текст Г. Плоткина и М. Ошеровского.

Репертуар Одесского театра музыкальной комедии разносторонен. Здесь есть и зарубежная оперетта, представленная румынским композитором Ф. Комишелом и драматургом Н. Константинеску «Кин» по мотивам известного произведения А. Дюма. Своеобразные, острохарактерные образы создают в этом спектакле Л. Сатосова — блистательная венецианка, супруга посла, несчастная любовь Эдмонда Кина; М. Демина, играющая жадную ростовщицу мисс Кэвэрлей, и молодая актриса Г. Грачева — ее Анна Демби — отчаянная, экзальтированная, однако добрая и мужественная девушка... И, конечно, М. Водяной в роли суфлера Соломона, друга знаменитого английского трагика...

Удивителен Михаил Водяной в роли Галушки! Удивительно, что от такого образа, как, например, Мишка Япончик, матерый и хитрый бандит, он мастерски перешел к положительному в общем-то Галушке... Растяпа Галушка — симпатичный человек, лишь по лености души не умеющий сразу понять, где ложь, а где правда, где темные, а где светлые стороны жизни... Но этот Галушка вовсе не безнадежен! Он интересен, его запоминаешь.

Переполненный зал Московского театра оперетты и постоянная толпа людей, жаждущих попасть на спектакли одесского театра, позволили уверенно сказать, что главный режиссер, заслуженный артист РСФСР М. Ошеровский и главный дирижер, заслуженный деятель искусств УССР И. Кильберг и на этот раз весьма и весьма порадовали своими неожиданными находками.

Гости «Огонька»: заслуженная артистка УССР Е. Дембская и артист С. Крупник играют отрывок из оперетты «Алло, Варшава!»

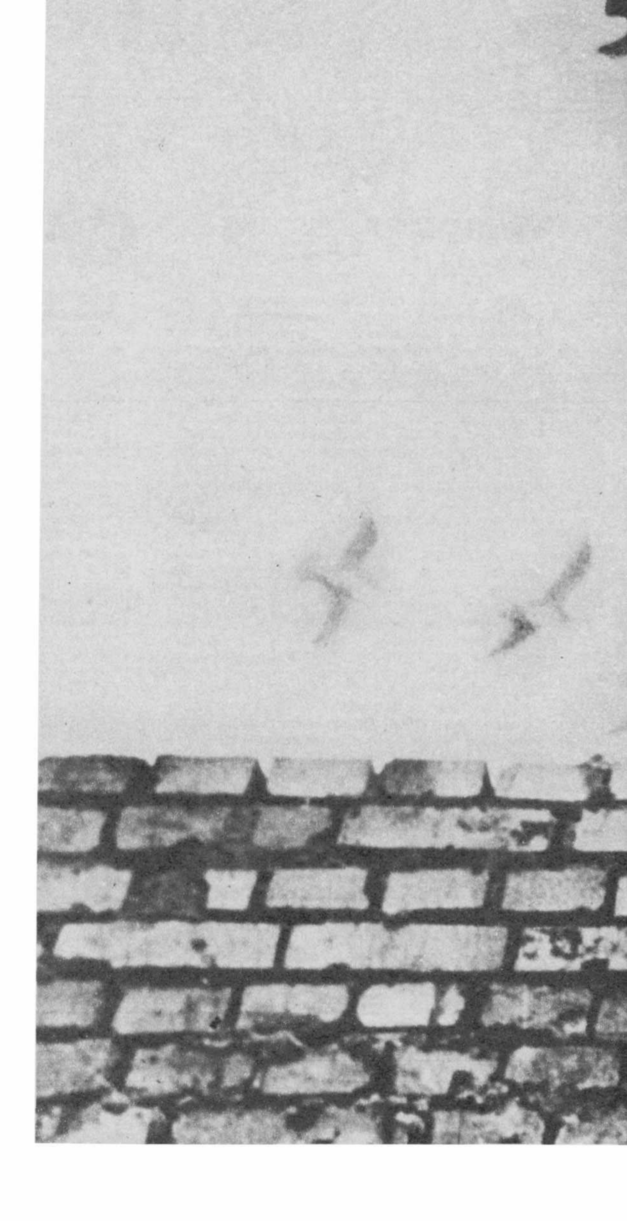
Фото Л. Шерстенникова.

Каменщик Садык Нажмутдинов строит школу в поселке Кумторкала.

САМАЯ НАДЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ

Фазу АЛИЕВА

Фото Г. МАКАРОВА.

Все выше поднимаются этажи...

Идут на стройки машины.

Фавзия Фаткулина и Галия Зиннатулина из отряда тульских строителей.

Эту легенду я слышала еще маленькой, рассказал мне ее Али-Курбан в далеком горном ауле, о котором говорят, что он лежит на ладони горы.

Была послевоенная весна. Али-Курбан только что вернулся из Белоруссии, куда ездил с горстью родной земли на могилу погибшего на войне сына. Помню, когда он уезжал, его жена Хатун давала ему наставление: «Привези ты его останки, хоть что найдешь, похороним здесь на аульском кладбище и каждый день будем ходить на могилу».

Вернулся Али-Курбан с фотографией могилы сына, она была вся в цветах. Показывал он эту фотографию односельчанам и говорил:

— Вот это и есть нерушимая крепость моего сына в далеком белорусском лесу!

— Эти крепости, крепленные кровью, сильнее стали и устойчивее гор! — говорили, кивая головами, старики.

Я тогда не понимала, как могут быть крепостями могилы.

— Даци[1] Али-Курбан, какие они построили крепости? — спросила, любопытствуя, я.

— Доченька, садись! — Али-Курбан погладил меня по голове и начал рассказ: — Это, доченька, было давно, в то время, когда соседние аулы враждовали друг с другом, когда человек человека убивал за горсточку земли, за колосья хлеба. И вот однажды попал человек в беду, жил он богато и зажиточно, но в беде ему нужно было не мертвое богатство, а живая, теплая рука друга. И умирал он одиноким, человек, окруженный богатством. И понял, что впустую прошла жизнь его. Вызвал к себе единственного сына и сказал: «Сын мой, завещаю тебе, не повтори мою жизнь, ты построй в каждом ауле крепости».

Как положено достойному сыну, похоронив отца, юноша стал выполнять его завещание. Пришел в один аул, построил там крепость, пришел в другой аул, тоже построил и понял, что богатство, оставленное отцом, иссякает. Не знал он, откуда взять средства, чтобы в каждом ауле оставить такие же крепости. Сел на придорожный камень и, обхватив голову руками, задумался. В это время мимо шел путник-старик.

«Асаламу алейкум, сын мой!» — приветствовал он юношу.

«Ваалейкум салам, отец мой,— поднялся, как положено младшему, тот.— Отдохни маленько.— уступил он путнику место.— Может, в помощи моей нужда? Жажда ли в пути томит тебя — принесу воды, голод ли терзает тебя — в хурджинах[2] моих хлеб. Если в собеседнике нуждаешься — провожу тебя!»

«Спасибо, сын мой, слава аллаху, родники встретились в пути, и мучари[3] в хурджине еще остался, а беспокоит меня твоя озабоченность. Что тревожит тебя?» — спросил старик.

«Горе у меня большое. Не могу я выполнить завещание отца и не знаю, что делать!» — поделился юноша со старцем тревогами своими.

Выслушал старик молодого человека и засмеялся.

«Сын мой, отец тебе завещал не такие крепости построить, а обзавестись друзьями в каждом ауле. Это и есть самая надежная крепость. Только для этого не богатство надобно, а щедрость души и жар сердца».

«Неужели?!» — обрадовался молодой человек.

«Да, сын мой, но ты не думай, будто построить незримую крепость в людских сердцах легче, чем каменную на земле. Людские сердца — это такие высоты!.. Чтобы долететь туда, нужны орлиные крылья души. Сердца людские — такие глубины, что безмерной щедростью и искренностью должно обладать, чтоб достичь этих глубин. Броня людских сердец очень крепка, лопата и кирка там не помогут... Иди, сын мой, возводи завещанные отцом крепости в людских сердцах»,— сказал старик...

...Встретилась я с этими крепостями еще в школе. Наша учительница истории и географии Татьяна Максимовна (она и по сей день работает в Дагестане) часто водила нас на экскурсии. В один из осенних дней она сказала нам: «Сегодня, ребята, мы с вами поедем в сад Кутузова». Мы все любили наши шумные, веселые и интересные экскурсии и, конечно же, очень обрадовались такому маршруту. Я решила, что сад этот носит имя великого русского пол-

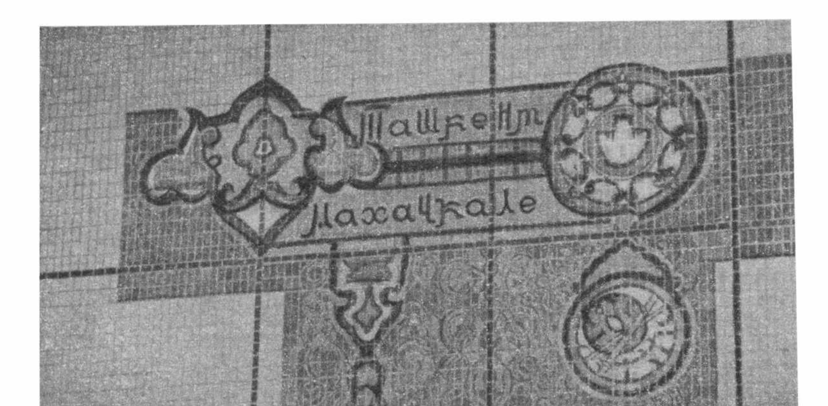
[1] Даци — дядя.

[2] Хурджин — ковровая сумка.

[3] Мучари — лепешка из кукурузной муки.

Мозаика на новом доме в микрорайоне «Узбекистан».

ководца Кутузова. И стала недоумевать: какое отношение имеет фельдмаршал к Хунзаху?

В саду, где деревья от тяжести плодов гнулись к земле, мы встретили Магомеда Кебедова, председателя райисполкома. Кто-то из наших учеников сразу задал вопрос: «Почему сад называется кутузовским?» Магомед поднял голову, посмотрел на суровые снежные вершины гор и вздохнул.

«Жил такой человек, русский агроном, и фамилия его тоже была Кутузов. Наше верхнее Хунзахское плато веками считалось бесплодным. Странно сейчас, стоя в таком саду, говорить это. Ни одно плодовое дерево не росло здесь. Помню, как появился тут бородатый, высокий, худой, с ясными голубыми глазами человек с вещмешком за плечами. И сразу начал с дела. Собрал всех активистов и повел разговор о посадке плодовых деревьев. Я переводил его русскую речь аварцам и аварскую речь — ему. Но сразу его не очень-то поддержали. Старики приводили десятки примеров, убедительно доказывавших бесплодие Хунзахского плато. Агроном

Богатыри стройки.

на несколько дней исчез, потом появился с саженцами разных мичуринских сортов. И начались его опыты в селениях Хунзахе, Цаде и Кахе.

Вставал он вместе с зарею, клал в вещмешок буханку хлеба и пешком отправлялся на свои опытные участки. Только поздним вечером Владимир возвращался домой. Первые зеленые ветки на деревьях стали и первыми ветками надежды в сердцах горцев. Теперь Кутузов шел к своим питомникам, окруженный горцами. Потом он организовал двухнедельные курсы, на которых обучал собравшихся со всех аулов ребят и стариков, как растить мичуринские сорта.

Когда грянула Великая Отечественная война, во многих аулах Хунзахского плато уже цвели и плодоносили кутузовские сады. Владимир ушел на войну с тем же вещмешком за спиной, с каким когда-то пришел к нам. Его провожали на фронт все хунзахцы. «Счастливого пути тебе, сын, после победы возвращайся к нам». Но он не вернулся. Могила воина-агронома находится в Крыму, где Кутузов насмерть бился с фашистами. Но во всех аулах Верхнего Хунзахского плато остались кутузовские сады. И, вспоминая сейчас школьные годы, я думаю: «Это не сады, а крепости дружбы...»

Прошло много времени с тех пор, как я услышала легенду Али-Курбана. Узкая горная тропинка привела меня из маленького аула на широкую дорогу городов, и первая же встреча с жизнью напомнила мне легенду о крепостях. Худощавый, с острым взглядом человек, перечитывая мои неумелые строки, долго вздыхал, а потом сказал: «Этот нежный горный ветерок мы превратим в большую бурю. Учись, аварка Фазу Алиева». Я вышла, и вдруг мне показалось, что стены литературного института светят радугой, такой радугой, которая после дождя встает над горами, но в каждой радуге, как говорят в легенде, не золотые ножницы я видела, а острый взгляд маленьких, чуть прищуренных глаз. «Кто этот человек?» — спросила я. «Это Михаил Светлов!» — ответили мне.

А через три года я держала в руках свою первую книжку стихов, изданную «Молодой гвардией» в Москве по рекомендации Владимира Луговского и переведенную с аварского языка на русский моими подругами, студентками литературного института. И тогда мне весь мир засветился голубой радугой, в ней сверкало, будто высеченное из скалы, мудрое лицо с мохнатыми бровями и греческим профилем, лицо русского поэта Владимира Луговского, а вокруг него — юные лица моих московских подруг и моя первая книжка «Голубая дорога», крепость в моем сердце!

Потом эти крепости все росли и росли. Сколько дорогих для меня друзей сейчас в той Москве, куда я приехала когда-то одна, не зная никого! Их сердечная щедрость помогла мне стать уверенной в себе.

...И вот еще одна крепость. На днях я побывала на строительстве Чиркейской ГЭС. Здесь рядом с представителями всех народностей Дагестана трудятся и сибирячки, и ленинградцы, и москвичи, и куйбышевцы. Более 200 предприятий Советского Союза поставляют сюда материалы и оборудование. Скоро зажгутся миллионы огоньков на этой крепости дружбы, и каждый из них станет крепостью в сердцах дагестанцев, такою же, какие воздвигли лампочки Ильича от первой в Дагестане Гергебильской ГЭС, построенной по проекту русского инженера...

...Никогда не забуду те дни, которые я провела на волжской земле. Была декада украинской литературы и искусства в городах России, и мне посчастливилось вместе с российскими писателями сопровождать одну из этих групп. И сколько раз я вставала на колени перед могилами горских сыновей, погибших здесь, защищая русские города и села! «Крепости горцев в сердцах волжан», — шептали мои губы.

Совсем свежи в памяти дни дагестанской литературы и искусства на одесской земле. В городе-герое, легендарной Одессе, гордости нашей не было предела, когда нас пригласили в оперный театр и сказали, что это здание, великолепный памятник архитектуры, своей нынешней жизнью обязано и дагестанцу Зубаиру Салихову. Отряд, которым командовал мой земляк, разминировал театр и спас его от гибели. Там же, недалеко от города-героя, мы поклонились могилам дагестанских поэтов Мухтара Абакарова и Багаутдина Митарова, погибших здесь, на земле Шевченко и Франко...

Вечер в городе русской славы Измаиле, в доме моряков. Из зала просят читать стихи на аварском и кумыкском языках. Здесь, в этом зале, бывалый моряк, мой односельчанин, капитан второго ранга Расул Магомедов познакомил нас со своими питомцами — совсем юными дагестанцами, несущими службу на флоте. И увидели мы в них закалку Суворова и выдержку Шамиля. Крепости дружбы, построенные отцами, укрепляют их сыновья и внуки. Нет, никогда не бывать врагу на земле советской!..

В горах говорят, что беда всегда приходит, не постучав в дверь, поэтому забывать о ней нельзя. «Надо жить так, — говорят горцы, — будто обещана тебе вечность, обновлять землю, украшать, насаждать деревья добра, чтобы на них созрели плоды счастья и радости для будущих поколений. И в то же время надо всегда помнить, что вот-вот может грянуть беда». Не потому ли всегда на стене у горца висят рядом двухструнный пандур[1] и кинжал с острым клинком. Когда ночью к мужчине стучат в дверь, он спрашивает: «В бой или на свадьбу? Что мне снять с гвоздя: пандур или кинжал?»

...Беда нагрянула совсем неожиданно. Все было прекрасно в этот день. Весна гремела, бушевала, жизнь кипела в каждом корне, в каждой почке. В разгаре была пахота в горах, земля нетерпеливо дышала, ожидая ласки человеческих рук. Голубой теплый пар ложился туманом, и пахла земля сдобой и медом. И эти запахи веяли в хрустально-прозрачном воздухе, щекотали ноздри и пьянили крестьян, как доброе вино. И пахари радовались песням птиц и ветров. И земля, росою умываясь, тянулась к мозолистым рукам, и приставали к босым ногам комки земли на каждом повороте. И светились искрами на ладонях золотые зерна. «Пусть стебли вырастут стройными, высокими, пусть все, что таится в маленьком зерне, превратится в пышный колос», — шептали обветренные губы.

Кипела работа и на Чиркей-ГЭСстрое. В щебень превращались вековые скалы, ложился бетон на дно будущего моря. Скалолазы, словно орлы, гнездились на головокружительной высоте.

Напряженным был день и у виноградарей — выхаживали каждую лозу, закладывая фундамент будущему урожаю. Отплывали в море рыбаки. Укладывали камни в стены строители.

День был обычным, трудовым. И вдруг неожиданно поднялся отдаленный подземный гул, и земля пришла в движение, задрожали стены домов, зазвенели стекла в окнах.

Внушительный и грозный, этот толчок как бы предупредил людей: готовьтесь к серьезным испытаниям.

Не прошло и получаса, как загудели провода, передавая указания областного комитета партии: будьте осторожными, не ночуйте в домах.

Именно это и помогло сохранить жизнь тысячам людей.

Вечерний восьмибалльный толчок прошел по многим районам и городам моей горной страны. Дотла разрушенные аулы, человеческие жертвы...

В первые же минуты землетрясения поднялся на ноги многонациональный Дагестан. Рабочие, студенты без зова и указания собрались у здания областного комитета партии. А с высоких гор и из глубинных долин на помощь пострадавшим двинулись люди.

В разрушенном Зубутле прозвучала команда: «Коммунисты, вперед!» Еще не подоспела помощь со стороны, а люди, закаленные жизнью среди дикой природы гор, обогащенные мужественной историей, воспитанные в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, встали против стихии.

В полуразрушенном доме, рискуя жизнью, медицинская сестра из Верхнего Чирюрта Х. Дациева принимала роды. А в высокогорном ауле Мехельта второй секретарь райкома партии Патимат Саидова сидела за столиком в комнате, где грозно чернели четыре широкие трещины, где камни в стене качались так, что дунь ветерок — и грохнут. Но ей некогда было об этом думать: Патимат налаживала связь, заботилась о детях. «Уходи, может раздавить!» — говорили ей. «Не раздавит, спину подставлю!» — шутила Патимат...

Не устояли стены Кумторкалы. Но души человеческие устояли. Собранно, без лишних слов, под проливным ливнем у треснувших и угрожающе нависших стен люди откапывали школьное имущество и увозили все, что удалось спасти, в безопасные места.

В первое тревожное утро после разрушительных подземных толчков с Дагестаном связались по телефону Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин.

В разрушенной Кумторкале среди колхозников, доставивших сюда полные грузовики муки, масла, сыра, что послали горцы пострадавшим, я увидела самого Али-Курбана. Он сидел среди аксакалов и, хотя не умел говорить по-кумыкски, понимал каждое их слово и разделял их горе.

Увидев старую женщину в черном платке у разрушенного очага, я сразу же проявила поэтическую слабость: обняла ее и заплакала так, что мужественная кумычка стала вытирать мои слезы и успокаивать. Я видела, что Али-Курбану не по душе были мои слезы.

— Что ты, доченька, разве можно плакать? Ты посмотри, какие настали времена. Кого только ты здесь не увидишь сейчас, все они пришли по зову сердца облегчить друзьям беду! Тут аварцы, даргинцы, лакцы, табасараны, русские, лезгины, ногайцы... Если бы это случилось в старое время, когда каждый жил для себя, то пострадавшим оставалось одно: взять суму в руки и идти по миру. Я уже был утром в Зубутле, там нам показали могильный камень, на котором было написано: «От землетрясения погибло в нашем селе около 100 человек. Им, умершим, легче, чем нам, оставшимся в живых! 1830 год». И действительно, многие тогда умерли от голода, потому что никто не протянул им руку помощи. Ты посмотри, здесь уже в первый же день после землетрясения появились и палаточная больница и походная столовая. Посмотри, сколько сюда везут — и обувь и одежду.

— Помнишь, дядя Али-Курбан, ты мне рассказал легенду о крепостях дружбы? — спросила я.

— Я со вчерашнего дня только об этом и думаю, доченька! — ответил Али-Курбан.

Жизнь республики в те дни кипела с удесятеренной энергией. Мы тогда особенно остро ощутили, что такое жар души друга — москвича и ленинградца, узбека и украинца.

Когда нас, посланцев страны гор, делегатов XVI съезда комсомола, провожали в Москву, на вокзале звучали песни на всех языках Дагестана. «Скажите там Центральному Комитету ВЛКСМ, что молодежь Дагестана мужественно будет работать и залечит раны, нанесенные стихией», — поручали нам земляки. И до чего же мы, делегаты, были тронуты, когда, начиная с границы Чечено-Ингушетии и до самой столицы, на каждой остановке поезда нас встречали с цветами, говорили нам теплые слова и сообщали, что студенты и рабочие едут в пострадавший Дагестан.

В дни, когда заседал съезд комсомола, мы были окружены особым вниманием и заботой. Непрерывно в президиум поступали телеграммы от молодежи нашей страны и других социалистических государств: юноши и девушки просили послать их в Дагестан...

...День поэта всегда полон неожиданностей. Но утром, придя на работу, я и не думала, что именно сегодняшний день вместит в себя столько впечатлений и волнений. Зашли в кабинет двое молодых, загорелых парней, улыбнулись и назвали меня Фазу-ханум. Я присмотрелась, они показались мне очень знакомыми. Где же я их видела? И вспомнила: это было 17 июня, всего лишь через месяц после землетрясения. Дагестанцы тогда встречали первый эшелон Главташкентстроя, кото-

[1] Пандур — музыкальный инструмент.

рый послал к нам около 600 строителей. Друзья-узбеки решили построить в Дагестане 20 тысяч квадратных метров жилья. В тот день мы поняли, насколько справедливы слова: дружба не знает никаких преград. Эшелон дружбы из Ташкента пересек среднеазиатские пустыни, переправился через Каспий и прибыл к месту назначения на сутки раньше, чем было рассчитано, потому что сила дружбы и братства оказалась сильнее всего. На всех станциях поезду, идущему в Дагестан, открывали зеленую улицу...

— Фазу-ханум! — прервал мои воспоминания юношеский голос.— Мы пришли просить вас пожаловать сегодня к нам в гости, хотим услышать ваши стихи и поговорить о вашей повести «Родники рождаются в горах».

— Приду! — ответила я с радостью: как же я могу не прийти к узбекским строителям!

Вечером я словно летела с лестницы, а ко мне поднимался Али-Курбан. «Как он не вовремя сегодня, опоздать неудобно»,— мелькнула у меня мысль, но в то же время я и обрадовалась своему старому дорогому другу.

— С приездом, Али-Курбан-даци!

— Спасибо, доченька, вижу, спешишь!

— Я скоро вернусь, поднимись наверх! — Потом подумала и сказала:— А если хочешь, поедем со мной, машина ждет во дворе.

— Куда, доченька?

— Посмотришь крепости дружбы!

Али-Курбан будто помолодел, стал спускаться с лестницы быстрее меня, и тяжелые хурджины, что были перекинуты через его плечо, казалось, стали ему легче осеннего листа.

— Асаламу алейкум! — сказал важно Али-Курбан-даци и протянул свою жилистую руку юношам, ждавшим меня.

— Ваалейкум салам! — В ответ ему протянулись твердые, мозолистые руки. «Наверное, про такие говорят: на ладони огонь пляшет»,— мелькнуло у меня в голове. И я увидела протянутые Дагестану тысячи рук из тысяч городов и селений необъятной нашей Родины.

...Медленно ехал «газик» по улице Ленина, по вечеревшей Махачкале. Направо — большая зеленая ограда, подъемные краны гордо качают длинными шеями, а на ограде крупными красными буквами написано: «Главтулдагстрой». А налево еще шире забор и снова надпись на ограде — «Главленинградстрой».

— Али-Курбан-даци, вот здесь будут большие крепости дружбы,— сказала я, посмотрев через стекло.

— Что, доченька? — вытянул Али-Курбан морщинистую шею.

— Ленинградцы строят нам красивейшее восемнадцатиэтажное здание гостиницы на пятьсот мест! — заявила я.

— Восемнадцатиэтажная?! — удивился Али-Курбан-даци.

— Да, это будет самое высокое здание в Дагестане.

— Машаллах! Вот это и есть крепость дружбы! — провел руками по лицу старик.— Как хорошо, что я сам увидел такие людские дела, которые раньше и в сказках придумать было трудно!

«Квартал Узбекистан» встретил нас кипучей работой. Скрежетали бульдозеры, стучали молотки, вставлялись стекла в окна, художники на стенах выкладывали мозаичный восточный орнамент. Нам улыбались с каждого этажа строящихся домов строители-узбечки и узбеки. Нам улыбались с балконов счастливые, довольные махачкалинцы, только что переселившиеся в светлые комнаты, построенные руками друзей из солнечного Узбекистана.

— Смотри, доченька! — крикнул Али-Курбан, показывая на фасад одного дома.— Видишь, меседил тапус[1].

— Да! — радостно удивилась я, увидев на стене красивую, переливающуюся огненными цветами птицу. На мозаике играли лучи заходящего солнца, и перья птицы казались от этого золотыми.

— Это птица счастья, эмблема Ташкента. И тысячи лет не коснется беда дома, который сторожит эта птица! — объяснил нам молодой строитель.

Большая столовая строителей в тот вечер превратилась в огромный зал, где разместились люди двух республик, ныне слившиеся в единую семью. Один за другим вставали строители, читали стихи, говорили о силе дружбы советских народов, о могуществе поэзии, говорили о моей повести, по косточкам разбирая каждого героя.

Когда мне предоставили слово, я немного растерялась и не знала, с какого стихотворения начать.

Вдруг Али-Курбан крикнул:

— Читай, доченька, стихотворение о Ленине!

Все в зале захлопали. Али-Курбан встал и удивленно окинул взглядом строителей: откуда, мол, они знают аварский язык? Я же хотел ей только напомнить.

Я прочитала стихотворение о Ленине и много других стихов о ленинской дружбе народов.

Уже близилась полночь, когда мы, распрощавшись с узбекскими строителями, вернулись домой. Али-Курбан не дал мне в ту ночь сомкнуть глаз. Ему все надо было знать. Я ему рассказала, что друзья строят нам и жилые дома, и школы, и больницы, и клубы, и дома отдыха не только в городах республики, но и во всех районах и селах. Я напомнила ему, что это сыновья и дочери Ташкента, города, который, как и Махачкала, полной мерой испил горькую чашу стихийного бедствия и полной мерой познал, что такое дружба советских народов. Я обещала завтра отвезти его в новую, недавно построенную Кумторкалу и в новый Зубутль. Там нас будут встречать дети, родившиеся уже в новых, благоустроенных домах.

— А строят Дагестан не только узбеки, Али-Курбан-даци.

— А еще кто, скажи мне, доченька? — спросил Али-Курбан.

— Легче будет сказать, Али-Курбан-даци, кто у нас не работает. Почти из всех республик, краев, областей, городов Союза приехали помогать нам.

— Иях, иях[2],— покачал головой Али-Курбан.— Пиши мне названия всех этих наших друзей. Голова моя стара, и боюсь, что я забуду.

— Я должна тогда работать день и ночь в течение года и написать большой том! — засмеялась я. И рассказала Али-Курбану о нашей встрече с дагестанскими детьми в московской школе-интернате. Мы, поэты и писатели, навестили их и были несказанно тронуты, узнав, какой высокой заботой окружены наши дети. Для них родным домом стала Москва, вся наша Родина.

Да, в дни, когда в Дагестане разбушевалась стихия, особой заботой страны были окружены наши дети. Ребятишек срочно вывозили в специально для них досрочно открывшиеся пионерские лагеря и дома отдыха. Широко распахнули перед ними двери здравницы «Артек», «Орленок», «Орлиные скалы» и десятки других лагерей. Летом 1970 года за счет государства в пионерских лагерях самой республики и за ее пределами отдохнули 11 600 детей из пострадавших районов. Для дагестанских ребят в разных республиках выделили самые лучшие школы-интернаты.

Али-Курбан уже не мог сидеть, он стал ходить по комнате и говорил тихо, неторопливо:

— Я знаю, доченька, и это, кажется, было совсем недавно, враждовал аул с аулом, внутри аула каждый тухум и род тоже между собою бывали врагами. Из-за межи между аулами вспыхивали ссоры и драки, убийства и резня, и никому до этого не было дела. Ты, доченька, пишешь разные книги, почему же ты так мало пишешь о дружбе всех людей нашей страны? На свете все стареет, изнашивается, дряхлеет со временем, а вот дружба, она становится все крепче, ярче и светлее. Говорят, что у одного мудреца спросили: «Где самое высокое место?» «Самое высокое место там, где сидит верный друг!» — ответил мудрец. «А где самый богатый дом?» «Самый богатый дом там, куда друзья не дают тропинке зарасти травой». «А где самое светлое место?» «Самое светлое место — это там, где сердца друзей светят друг другу».

И я прочитала Али-Курбану стихи:

Хороший друг, как ветер.
При несчастье —
Он унесет и горе и беду,
Как листья, что осыпались в ненастье
В осеннем, холодеющем саду.
А в радости — он мощный вал,
Стоящий
Надежно на пути врагов твоих.

— И правильно ты говоришь, Али-Курбан-даци, сейчас наш Дагестан стал самым светлым местом, потому что здесь по случаю беды собрались все наши друзья...

— А сколько человек живет всего в Дагестане, доченька? — спросил Али-Курбан.

— Миллион четыреста тридцать тысяч человек.

— Вот, доченька, наши друзья со всей страны построили крепости в миллионе четырехстах тридцати тысячах сердец. Дома, которые они строят для нас, выдерживают, говорят, землетрясения в восемь баллов, а эти крепости дружбы выдержат и сто баллов. Нет на земле силы, что могла бы порушить эти крепости в наших сердцах и в сердцах детей и внуков наших.

Я слушала Али-Курбана-даци и, проявив поэтическую слабость, вытирала слезы. Это слезы любви и благодарности всех дагестанцев к нашей мудрой ленинской партии, что сплотила народы в единую семью, это слезы благодарности всем народам Советского Союза.

А накануне нашего общего великого праздника слияния сердец и дружбы народов — накануне 50-летия образования Союза ССР — хочется, как принято в Дагестане, пожелать вам, друзья наши:

Пусть будет сыт всегда ваш
дом — достатком,
И радостью, и счастьем. И еще —
Во рту у вас всегда пусть будет
сладко,
В глазах — бесслезно,
В сердце — горячо!

[1] Меседил тапус — золотой фазан.
[2] Иях — восклицание удивления.

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

«Человек без родины — соловей без песни». Эти афористические строки написаны Иваном Бауковым в стихотворении «Дума партизана» тридцать лет назад. Но подлинная поэзия всегда остается юной и не перестает волновать людские сердца своей свежестью. Подобные строки рождаются только глубокой искренностью поэтического чувства. Искренность — одно из главных достоинств поэзии Баукова. Книга стихов «Люблю тебя, Анна» является новым подтверждением этого.

Главной, определяющей линией творчества Ивана Баукова является любовь к Родине.

Иногда это чувство прорывается страстными словами, обращенными к незримому собеседнику:

Говори о звездной ночи,
О рязанском небе синем,—
Говори, о чем захочешь,
Лишь бы только о России!

Иногда же, как сердечная исповедь, тихим признанием:

Нынче снилась опять
деревня,
Дикий сад, где прошли года.
Дом, который, как сказка,
древний
И до боли родной всегда.

Но это же чувство изливается и в высоких, полных гражданского пафоса строках о партии:

Партия
С самого раннего детства
Родину мне подарила
в наследство.
Дала мне реки,
Луга,
Угодья,
Песни раздольные половодья,
Леса весеннего щебетанье,
Чтоб не погибли мои
мечтанья,
Чтоб мысли мои,
Словно вольные птицы,
Не знали предела,
Не знали границы.

Лирике Баукова свойственны сердечная нежность и мягкость. Но при всем том это гражданственная лирика, потому что самые сокровенные мысли и чувства поэта теснейшим образом связаны с общественной жизнью. Даже самые интимные, самые личные стихи его являются выражением ощущения кровного родства поэта с той великой семьей, имя которой — народ:

Я теперь себя не представляю
Без друзей в Рязани,
В Запорожье,
Без случайной встречи
у трамвая
С тем, кто в битвах
Брата был дороже.
. . . .
Все мое от края и до края —
Синий Днепр
И Волга голубая!
Я теперь себя не представляю
Без тебя, страна моя родная!

Книга Ивана Баукова заканчивается поэмой «Люблю тебя, Анна». По своему содержанию и по своему духу это психологическое произведение о драматической коллизии, возникшей между двумя, казалось бы, самыми близкими и на веки веков неразлучными молодыми людьми — им и ею. Поэма захватывает и волнует глубиной неподдельного чувства. Она как бы еще и еще раз утверждает читателя в том, что сердечная искренность является отличительной чертой таланта Ивана Баукова.

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

Иван Бауков. «Люблю тебя, Анна». Издательство «Художественная литература». 1971.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ЭМИЛЬ АНТУАН БУРДЕЛЬ

Париж. Восьмидесятые годы XIX века. Сложная пора в истории Франции. Судьба родины волновала умы. Вот записи из дневников Ромена Роллана:

«Надо вспомнить о лихорадочной поре 80-х годов. Удушливая атмосфера французской политики, отвращение к республике, возглавляемой Треви и тонувшей в грязных делишках и взяточничестве, кулак бисмарковой Германии, занесенный над нашей юностью... Трудное выздоровление истерзанной Франции, еще не вернувшейся к сознанию своей силы... Мы чувствовали себя висящими на краю пропасти...»

Позже великий писатель воскликнет:

— Мир погибает, задушенный своим трусливым и подлым эгоизмом. Мир задыхается. Распахнем же окна! Впустим вольный воздух! Пусть нас овеет дыханием героев...

...В 1884 году на Монпарнасе появился новый обитатель этой Мекки поэтов и художников. Ему было двадцать три года. Он приехал в Париж из старинного города Монтобана, что на границе Гаскони. Он пока никому не известен, но именно ему предстоит возвеличить искусство Франции. Правда, как почти всегда бывает в жизни истинных мастеров, признание придет к нему поздно. И даже звание командора ордена Почетного Легиона, которое он получит ровно через сорок лет после приезда в столицу, в 1924 году, не заменит ему отсутствие официальных заказов, о которых он мечтал всю жизнь... Но об этом позже... А пока знакомьтесь:

Эмиль Антуан Бурдель. Ваятель.

Сам художник рассказывает о себе:

— Мой дед с отцовской стороны был пастухом из Тарн — Гаронны. Я вырос под звуки пастушеского рожка. Один из моих дядей каждое утро и вечер очаровывал Монтобан искусными переливами своей самшитовой свирели. Мой дед с материнской стороны — ткач — обладал неплохим голосом, он часто пел, и его простые, немного суровые песни до сих пор живут в моем сердце... От моего отца — резчика по дереву — я постиг принципы архитектоники. Четкая соразмерность отдельных частей мебели научила меня искать внутреннюю структуру вещей.

У одного из моих дядей, каменотеса, я научился прислушиваться к голосу скал; следуя советам самого камня, я стал правильнее компоновать планы, переходы форм — ведь когда рубишь, камень говорит с тобой.

Кверси — прекраснейшая страна в мире. Я проводил там свои каникулы, бегая за козами, вырезая по дереву или обжигая в печи вместе с хлебами глиняных человечков...

Сверстники молодого скульптора почувствовали, что на Монпарнасе появился юноша глубоко своеобычный, недюжинный. Андре Сюаре вспоминает:

«В нем чувствуется человек, выросший в общении с землей, а не с большим городом. Внимая его рассказам о родной семье, о пастухах и крестьянах, овеянных прелестью легенды, мы слышали голос маленького козопаса. Смолоду он походил на пастуха и лицом и повадкой; один из портретов сохранил нам облик юноши с сухими линиями лба, худыми щеками и пышной шевелюрой черных кудрей, который словно ищет свою свирель, дар Теокрита».

Судьбе было угодно, чтобы именно этот скромный провинциал произнес огненные слова, которые обозначат эпоху в истории искусства Франции:

— Мы, художники, рождены быть глашатаями истины... Будем же помнить, что наше творчество есть прежде всего отражение нас самих. И наши создания зависят от высоты, доступной нашим душам... Художник — это последний герой... Искусство не цветет в блаженном покое; искусство есть неизбывная борьба, тревожное волнение каждого дня нашей жизни, нескончаемая битва...

Бурдель — сын рабочего — гордился этим; он написал, будучи уже прославленным скульптором с мировым именем: я, конструктор и строитель, больше всего дорожу званием рабочего.

В биографии мастера есть событие, которое весьма четко рисует его духовную чистоту и моральную твердость. Художник горько переживал отсутствие заказов на монументальные работы. В сердце он хранил заветную мечту — создать в Париже памятник-монумент. Про себя же он говорил с иронией: а, это Бурдель, он делает только бюсты... Безвестность терзала его в самые цветущие годы. И вот... Но предоставим слово Сюаре:

— Ему было сорок пять лет, когда стало известно, что он получает заказ на монумент. Бурдель побледнел и взволнованно шептал: «Наконец-то, наконец». Однако, когда он узнал, что речь идет о памятнике генералу Галифе, он отказался...

Приверженность Республике была традиционной в семье Бурделей. Мой отец был из тех искренних республиканцев, которые еще помнили 48-й год... — говорил мастер. И он не осквернил свою музу: он пренебрег славой ради чести!

...Но вернемся вновь в восьмидесятые годы, когда художник избирал путь в искусстве. Можно только поражаться, с какой фанатической прямотой шел молодой Эмиль среди искушений буржуазного Парижа.

— Художник,— делился он потом с учениками,— должен иметь широкий кругозор. Необъятный кругозор в необъятном мире. Если он ограничит себя точкой зрения мелкого буржуа, он не увидит ничего, что способно повести его вглубь и вширь.

Юный провинциал из Монтобана отлично видел все и вглубь и вширь и необычайно тонко чувствовал. Поэтому он так скоро покинул стены Школы изящных искусств. Но и в мастерской метра Фальгиера он задыхался в атмосфере салонного благополучия: ему претил академический лоск и казенность учебы.

— Мсье,— сказал он Фальгиеру,— я не могу оставаться у вас. Я люблю ваше искусство, но я хочу избавиться от ваших официальных друзей. Прощайте!

Бурдель ушел. И позже признавался, что после двух лет пребывания в академии понадобилось десять лет, чтобы освободиться от злополучного влияния. Гасконец, он со свойственным своему народу задором и упорством разрубил этот узел, хотя на пороге его мансарды стояла нищета. Ведь, уйдя из академии, он оставался без стипендии.

Антуан один в огромном городе. Лувр, мастера Нотр-Дам, Пюже, Бари — вот мои истинные учителя, не уставал повторять Бурдель. ...Слова: стремительный порыв — вот наивысший закон — становятся девизом всей его жизни.

Нравы новых друзей Бурделя из среды монпарнасской богемы не всегда влекли молодого художника по путям праведным. «Иногда поздно ночью,— рассказывает Бурдель,— когда я уже собираюсь укладываться спать, ко мне внезапно является Мореас.— Ваятель! Слушай.— И громким голосом он начинает читать мне Ронсара. Но сон сильнее меня, и, хотя я охотно послушал бы, мои веки слипаются сами собой...»

Порою его все же будят, и он с друзьями бродит по ночному Парижу... «Как-то я видел Верлена, он был сильно пьян, его пошатывало. Одетый в лохмотья, с большим красным шарфом на шее, он кричал: «Хочу в золоте ходить, весь в золоте». И при этом лицо Сократа, и какое лицо! Я никогда не видел ничего подобного...» Но пастушья закваска всегда побеждала... Бурдель работает как одержимый. И вот в одном из маленьких кафе Монпарнаса состоялся первый вернисаж молодых скульпторов.

Критик Шамсо тогда писал: однажды вечером сильная гроза загнала меня в подвал небольшого кафе. Там были выставлены великолепные рисунки Бурделя. Кроме того, там было несколько групп, вызывающих удивление своей индивидуальной манерой и художественной выразительностью: это были эскизы в терракоте и гипсе. Чувствовалось, что перед тобой не ремесленник, а поэт.

Парижский салон 1885 года... Антуан выставил свою скульптуру «Первая победа Ганнибала». Он удостоен «почетного упоминания». Но главная борьба за стремительный порыв в искусстве еще впереди, хотя имя Бурделя уже становится известным в художественных кругах.

Эмиль Пувийон сказал о нем в 1891 году: Бурдель преодолел преграды на пути к известности, особенно трудные для художника независимого и гордого, который никогда не поступается своими идеалами в угоду моде или академии.

Судьба уготовила художнику великое испытание. В 1893 году Огюст Роден приглашает молодого мастера к себе в помощники.

Роден и Бурдель... Великий скульптор с мировым именем и талантливый ученик. Выдержит ли молодое дарование опаляющие лучи славы маэстро?

Антуан Бурдель (1861—1929). БЕТХОВЕН. 1889—1890.

Фото И. Тункеля.

Антуан Бурдель.

ГЕРАКЛ.

1909.

БОЛЬШОЙ МОНТОБАНСКИЙ ВОИН. 1898—1900.

ПЛОД. 1906—1911.

ГОЛОВА КРИЧАЩЕГО ВОИНА. 1893—1900.

Прежде всего предоставим слово самому Бурделю:

— Мне хотелось бы указать в назидание всем вступающим в искусство, что мой путь стал таким широким благодаря той медленно созревавшей жатве тайн, которую я собрал на поле Родена. Но я всегда хранил нетронутым внутренний закон своего искусства.

Казалось бы, что может быть яснее — «жатва тайн». Это слова благодарного ученика... Но отношения между людьми, а тем более творцами, сложны, бесконечно сложны. Прочтем строки из письма Бурделя к Шарлю Леже, написанные в феврале 1927 года:

«Ах, насколько трудно знать скрытую жизнь людей, даже своих современников. Сколько оттенков и даже резких красок, которые трудно познать, открылось бы, например, если бы удалось пересказать точные подробности истории эволюции искусства Родена, прежде чем ему удалось завершить своего «Бальзака». А между тем еще существуют все действующие лица и все свидетели моей работы в моей мастерской над этой статуей Бальзака, равно как и свидетели моего сотрудничества при создании группы «Граждан Кале» и статуи аргентинского политического оратора. Если бы я этого и хотел, я не мог бы восстановить с полной истинностью взаимных воздействий между Роденом и мной в те времена, когда я работал для него как в своей мастерской, так и в мастерской Родена на улице Университета».

Это уже нечто большее, чем ученик или даже помощник. Это, пожалуй, соавтор, да еще в таких кардинальных творениях Родена, как «Бальзак».

Ключом к постижению тайны отношений этих двух художников могут служить строки из письма Родена к Бурделю: «Я передам вам чашу, дорогой друг, впрочем, вы уже и так держите ее в руках, оба мы уже вкушаем от одного напитка».

Роден и Бурдель... Исследованию взаимовлияния этих великих мастеров еще будет посвящена не одна книга. Однако хотелось бы в конце привести слова Бурделя, как мне кажется, особенно значительные: Роден — гениальный аналитик, но я стремлюсь к синтезу.

Нет нужды сравнивать масштабность наследия Родена или Бурделя, как бессмысленно подвергать анализу различие их дарований. Важно, что Бурдель претворил тончайшую пластику Родена, являющуюся кульминацией скульптуры XIX века, в новую пластику XX века — более драматизированную, динамичную, экспрессивную и монументальную. Он нашел новую красоту в своих неповторимых шедеврах!

«Роден»... Ваятель. Древний, как Пан. Мудрый. Добрый. Старый, как сама Земля. Его лицо, изборожденное временем, подобно старой коре могучего дерева. Да, Бурдель, пожалуй, проник до самой глубины в великую суть Родена — в его сокровенную принадлежность природе, Земле. Мастер словно прислушивается к песне ветра. До него долетели звуки птичьего гомона, обрывки слов, поцелуи влюбленных. Старый художник счастлив. Добрая улыбка спряталась в усах, приподняла брови, залегла в лучистых морщинах у глаз.

Но что это? Нам вдруг показалось, что лицо мастера стало суровым... Оказывается, мы просто с нового ракурса увидели второй лик великого маэстро. Напряженный лик мастера, испытавшего горечь непризнания и опустошающую, ясную несбыточность мечты о прекрасном. Роден слышал свист и улюлюканье толпы в парижских салонах, знал и сладкие минуты славы.

Бурдель, как никто, был близок Родену. И его портрет — шедевр психологического проникновения в сложнейшую душу творца.

Двуликий Янус... Вот тайна решения портрета. Светлой души художник, гуманист, жизнелюб, он узнал на своем долгом пути всю сложность и контрастность жизни. Время, разочарования, титанический труд сложили второй облик Родена, человека порой жестокого и нетерпимого.

Таков Роден!

Портрет был решен настолько непривычно, что сам Роден, увидев бюст, сказал: его поймут только через сто лет. Прошло без малого три четверти века, и вот сегодня бюст Родена предстает перед нами во всей своей сложности и величавой простоте.

«Геракл». Нечеловечески могуч герой античного мифа. Дуга напряженного лука, которой нет равной в мире по мощи, согнута его рукой. Веришь, что дай Гераклу ось, и он повернет самую Землю.

В воспевании этой гигантской силы Геракла — весь пафос пластики Бурделя. Долго, необычайно тяжко готовится Геракл поразить цель. Он весь предельно собран. Замер. Мышцы торса, рук, ног напряжены до отказа. Гудит скала, попранная мощной стопой титана.

Геракл... Как далек этот юноша от привычных образов богатырей — огромных, массивных... Геракл Бурделя так же отличается от них, как ягуар от слона. Да, именно ягуар или леопард. Так напоминает стройное, могучее тело античного героя всю стать хищного зверя... Эта фигура будто выкована из неведомого по упругости и стойкости металла. Дик и непривычен лик античного героя. Но я верю: это он... Хищный профиль, венец грубо намеченных резцом волос. Почти звериный оскал тонких губ... Его взгляд словно заворожен: стрелок видит цель, и он почти слеп от жажды поразить врага. Мучительно сдвинуты дуги бровей. Две резкие морщины на крутом лбу обозначают сдержанную ярость. И желание победить. Победить во что бы то ни стало.

В образе Геракла скрыта великая тайна непокоримости... Когда мы вглядываемся в скрытое движение бронзовых мышц, в титаническое напряжение бойца, нас не покидает великая вера в конечную и верную его победу. Мы словно слышим гулкое биение сердца Геракла, заключенного в могучий плен бронзового торса. Мы явственно слышим, как скрипит лук, как гудит непокорная тетива. Еще миг, и мы услышим, как запоет стрела, рассекая воздух.

«Геракл» взорвал салон 1909 года. Триумф, фурор, шок — все эти слова не отразят и сотой доли впечатления, которое оставил юноша, поражающий стрелами стимфалийских птиц.

Бурдель создал шедевр!

Консервативные члены жюри утратили равновесие. Их проклятия были настолько грозны, что автор бессменно находился возле своей работы, боясь, что рутинеры попытаются выкинуть ее из салона.

Ваятель потряс Париж. Лавина успеха наконец прорвала плотину молчания. Скульптор в один день стал знаменитым. Он выиграл сражение, которое вел четверть века. Эпическое озарение мастера было итогом неимоверного труда. Глубокое изучение греческой архаики, постижение всего очарования французского средневековья — вот слагаемые, давшие истории мирового искусства шедевр! «Геракл» — одна из вершин скульптуры, воспевающей человека-бойца, героя...

Хороший портрет стоит целой биографии, любил говорить Роден.

«Бетховен». Вглядитесь! Вас поразит планетарность образа композитора. Словно расплавленная магма, вырвавшаяся из кратера вулкана, вылепила, обозначила черты гения. Лава еще не застыла, ее горячие волны взметнулись и обозначили мощный рельеф лица Людвига ван Бетховена.

Лик создателя Героической симфонии подобен рельефу Луны, изборожденной кратерами, глубочайшими расселинами, трещинами. Титанические страсти отложили свой след, и мы явственно ощущаем следы ударов судьбы в рытвинах горестных складок, в глубине впадин глазниц, в резких морщинах лица.

Но в образе композитора царит воля. Она — в выпуклости лба, в массивности тяжелого подбородка. В жесткой прочерченности губ. Сложное чувство ощущения нераскрытости тайны овладевает нами постепенно, чем больше мы вглядываемся в асимметричные, смещенные черты скульптуры. Все страсти, вся мощь раскатов героических симфоний, вся тонкость Аппассионаты — в мерцающих бликах, бродящих по лицу композитора... Глядя на скульптуру, мы словно путешествуем по неведомой планете и слышим звуки музыки.

Яростен резец творца, создавшего этот шедевр. Скульптору сродни бетховенское ощущение мира. И эта равновеликость духовного напряжения нашла воплощение в совершенной пластической форме. Можно часами, бесконечно находить все новые и новые детали в сложнейшей структуре, во всей архитектонике головы композитора. Но эта кажущаяся дробность и смятенность формы никак не нарушает величественности, целостности и монументальности решения образа создателя Девятой симфонии — бойца, мыслителя, Человека!

Мастер создал «Бетховениану» — больше сорока портретов великого композитора. Он начал работать над образом Бетховена еще в юности. Увидев однажды в витрине магазина в Монтобане его портрет, он был потрясен.

Неизвестно, знал ли скульптор слова Гайдна, сказанные им Людвигу ван Бетховену: «Вы производите на меня впечатление человека, у которого несколько голов, несколько сердец и несколько душ...» Бурдель интуитивно повторил в пластике это ощущение Гайдна. Его бюсты, эскизы, композиции, портреты показывают нам многообразие лика гения, всю неохватную глубину состояния души творца бессмертной музыки.

Создание образа великана. Едва ли это с руки карлику!

Бурдель писал: «Портрет — это всегда двойной образ, образ художника и образ модели». В истинный портрет (достойный этого имени) художник вкладывает свою личность и, кроме того, вечность. Он должен уметь выявить всеобщность и извечность жеста, который он собирается выразить... Чтобы сделать портрет гения, надо сначала четко представить себе форму его сущности. Затем верность глаза и, наконец, выразительность через преувеличение...

Вспомним строки Бетховена из знаменитого «Завещания»:

«О люди, считающие или называющие меня неприязненным, упрямым, мизантропом, как несправедливы вы ко мне! Вы не знаете тайной причины того, что вам мнится. Мое сердце и разум с детства склонны были к нежному чувству доброты. Я готов был даже на подвиги. Но подумайте только: шесть лет, как я страдаю неизлечимой болезнью. ...Какое, однако, унижение чувствовал я, когда кто-нибудь, находясь рядом со мной, издали слышал флейту, а я ничего не слышал, или он слышал пение пастуха, а я опять-таки ничего не слышал!.. Такие случаи доводили меня до отчаяния; еще немного, и я покончил бы с собою. Меня удержало только одно — искусство. Ах, мне казалось немыслимым покинуть свет раньше, чем я исполню все, к чему я чувствовал себя призванным».

Едва ли история музыки сохранила документ более трагический.

Художник проникает в самую сущность драмы композитора:

«Слух прорицателя Бетховена покорил неуловимое. Не чудо ли, что он, глухой, смог вызвать к жизни самые возвышенные, самые правдивые звуки, самые близкие человеческой душе. С какой бесконечной тоской он мечтал, должно быть, услышать пение птиц, недоступное для него, ибо ни один голос внешнего мира не прорывался через его навсегда закрытые уши. Воображение вело его с поразительной уверенностью и правдой. А может быть, иллюзия, вдохновение, искусство совершеннее действительности?»

Но был Бетховен другой. Это был человек всепокоряющего взлета, великих озарений, знающий меру той тяжести, которую он несет, но отлично понимающий, что он дает людям,— Бетховен-творец.

«Когда я открываю глаза, я должен вздохнуть, так как то, что я вижу, противно моим верованиям, и я должен презирать мир, который не подозревает, что музыка — это еще более высокое откровение, чем вся мудрость и философия; она — вино, воодушевляющее к новым произведениям, и я — Вакх, который готовит людям это великолепное вино и опьяняет их дух...» — писал Бетховен.

Для Бурделя искусство — это всеобщий язык, голос вселенной.

20 января 1910 года на лекции в Гранд Шомьер художник сказал:

— Все искусства имеют между собой точки соприкосновения, они взаимопроникают друг в друга. Слушая недавно восхитительное «Трио» Бетховена, мне показалось, что на этот раз я слушаю скульптуру. Так же как у Бетховена звучат три музыкальных голоса, подчиняясь законам его гения, так же и скульптор стремится свести воедино планы, профили

Эмиль Антуан Бурдель. РОДЕН. 1909.

и соотношения масс... Вторая часть «Трио» закончилась, но я, целиком ушедший в себя, все еще продолжал слышать ее. И я слышал ее, когда синтезировал законы моего искусства. Я слышу ее всегда.

...«Бетховен» идет навстречу буре. Он слышит шум улиц и площадей, миллионоустые крики толп народа. Ураган разметал гриву его волос, свет молний озаряет его лицо. Нас овевает дыхание героя. Так скульптор воплотил мечту Роллана.

Не надо забывать, что эта скульптура создана в самый разгул модернизма на Западе. Бурдель и его искусство стояли как утес среди мутных волн абстрактного экспрессионизма. Ваятель видел крушение всех своих идеалов в пластике, музыке, культуре. И в 1914 году он создает еще один шедевр.

«Смерть последнего Кентавра». Оборвался последний аккорд лиры. Угасла мелодия... Обескрыленные, бессильно откинулись сильные руки, упала на плечо голова последнего Кентавра. Скорбен его лик. Заломлены брови. Остро обозначились скулы, запали глазницы. Смерть неумолимо витает над человеко-зверем. Но еще живы звуки, не заглушенные предсмертным стоном. Кентавр еще жив, он еще тщится встать. Увы, усилия напрасны. Мы словно ощущаем последний роковой трепет жизни, бегущий по могучему торсу. Еще бьется сердце, еще вздрагивают мышцы, но глубокая тень, запавшая в прорези рта и в провалы глазниц, обозначает неумолимую смерть.

Бесконечно трогателен прощально-призывный жест руки, возлежащей на лире. Кентавр как бы завещает людям борьбу. С чем? С уродством?.. Или он пытается остановить неумолимо приближающуюся тьму?..

«Бюст Анатоля Франса». 1919 год. Скульптор создал его на пороге шестидесятилетия. Этот шедевр как бы впитал весь гигантский опыт, всю любовь автора к человеку, творцу.

На нас глядит эпикуреец и скептик, великий мастер слова, создатель нетленных ценностей... Время согнуло некогда гордую голову, надавило на покатые плечи, посеребрило непокорный ежик волос, глубоко пробороздив морщины, резче обозначило складки у рта. Но время бессильно перед силой души Франса! И наш взгляд прикован не к приметам старения писателя: мы как бы не замечаем одряхления тела Франса, нет, мы зрим огненную, полную лукавства, иронии, жизнелюбия душу Франса: она в глазах, внимательно вглядывающихся в самую вашу суть.

Ваятель настолько точно обозначил бугристую структуру черепа мыслителя и писателя, что мы почти физически ощущаем титаническую работу мысли, скрытую под этим могучим полушарием. Мы словно ждем, что сейчас скажет нам Франс, что раскроет этот пронзительный и одновременно добрый взгляд.

Портрет Франса — плод гигантского труда ваятеля. Десятки сеансов, сотни часов анализа, синтеза, вдохновенного творчества стояли на пороге рождения этого шедевра.

В своем творении мастер воплотил всю мощь, всю глубину своих великих предшественников: Пюже, Гудона, Родена.

— Мое всегдашнее недовольство собой,— рассказывал художник,— глубоко трогало Франса. Как-то утром великий писатель явился ко мне. «Смотрите, Бурдель»,— сказал он с таинственным видом, вытаскивая из кармана пальто одну из самых знаменитых своих книг. И он стал перелистывать ее страницы, испещренные помарками, вставками и карандашными пометками... А затем, наклонив ко мне свою высокую фигуру, проговорил: «Лишь глупцы уверены в своем совершенстве».

«У современной скульптуры,— писала Вера Мухина,— два ствола, дающие соки своим более молодым ответвлениям — Бурдель и Майоль, два полюса по темпераменту, пластической форме: один — пафос огня, другой — дышащее спокойствием море. Форма Бурделя не проста и не плавна; она вся комками, глыбами. Он, как вулкан, который властен сделать с землей, что хочет — деформировать ее или строить по своему желанию. Предмет для него только предлог для своего творчества. Его образы всегда напряжены, как тетива у лука, он их мучает, гнет, укладывает в нужные ему рамки; движения его фигур доведены до предела, никогда, впрочем, не доходя до срыва или слома».

Вся тайна экспрессии и могущества искусства Бурделя — в чувстве гармонии, великолепном знании и безмерном труде... Впрочем, никто лучше его самого не скажет об этом:

— Деформация — слишком легкий путь. Многие думают, что достаточно начать деформировать, чтобы приобщиться к гениальности. Это ошибка, ибо всякая деформация, в основе которой нет глубокого знания, есть бесполезное дело; ни оригинальничанье, ни нарочитая грубость никогда не заменят подлинной силы... Отличие настоящего искусства — чувство меры.

...Произведение искусства должно быть связано с эпохой, должно врасти в нее своими корнями... и в то же время в нем должно быть нечто от вечности.

Бурдель — создатель бессмертных шедевров: «Геракла», бюстов Бетховена, Родена, Франса, памятников в Монтобане, Буэнос-Айресе, Париже — оставил нам, кроме своих творений, еще один бесценный дар: учеников.

Среди них двое — Вера Мухина и Иван Шадр — особенно дороги нам.

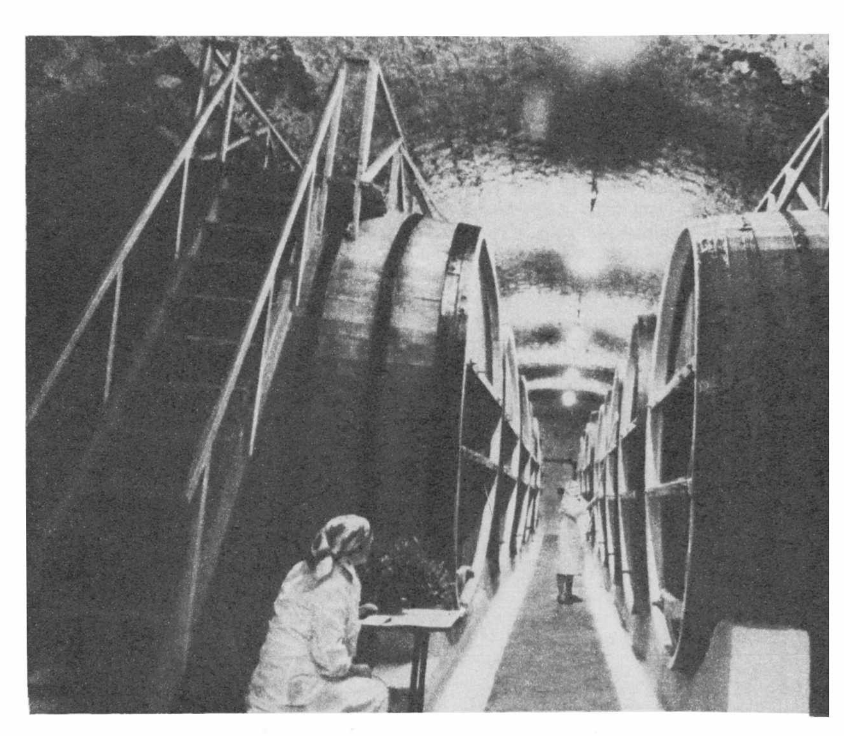
В их творчестве великолепно претворен призыв Ромена Роллана к созданию героических образов в искусстве. Достаточно вспомнить грандиозные фигуры «Рабочего и колхозницы» Мухиной, венчавшие советский павильон в Париже и потрясшие своей динамикой парижан, или поразительную по своей экспрессии скульптуру Шадра «Булыжник — орудие пролетариата». Оба эти произведения, созданные в духе русской реалистической школы, в то же время воплощают лучшие традиции школы Бурделя.

* * *

Выставка работ Антуана Бурделя, недавно прошедшая с большим успехом в Москве, продемонстрировала еще раз традиционную дружбу советского и французского народов.

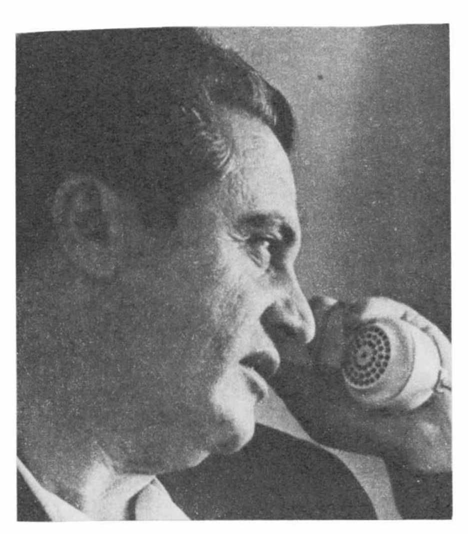

Котовская чаша, колыбель молдавской грозди.

Здесь зреют марочные вина.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Генеральный директор аграрно - промышленного объединения «Виктория» А. Я. Гохберг.

ГРОЗДЬ

Агроном Валентина Кошлец.

Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

«Способствовать созданию и улучшению деятельности межколхозных и государственно-колхозных предприятий и организаций, а также созданию аграрно-промышленных комплексов и объединений».

Из Директив XXIV съезда КПСС.

Молдавия, Молдова... Июньский полдень на винограднике... Нелегко себе представить, что где-то в этом же мире существуют тень и громкие ручьи, роскошные листья лопухов, холодные срубы колодцев.

Июньский полдень на винограднике неподвижен и горяч. Земля междурядий, лоза, шпалеры с утра уже перегрелись, и кажется, что теперь они сами излучают и свет и тепло, и оттого-то полнится полдень томительным звоном. И когда дышать совсем уже трудно, в памяти спасительно всплывают прохладные слова: «амфора», «кувшин», «подвал», «лоза». И постепенно сознаешь, что вокруг тебя идет грандиозная работа: рождается новая гроздь. Ежемгновенно совершается великое таинство: солнце переливается в только что зародившиеся грозди. Они трогательно невесомы пока, как пальцы на руках недельного младенца. Но терпкий воздух виноградника, солнечный луч сделают их к осени тем самым, что назвал человек виноградом.

...Окрестности Котовска причудливо всхолмлены, а теперь еще и живописно заштрихованы ослепительно белыми штрихами — столбиками шпалеры. Склоны гигантской чаши — это все и есть плантации «Виктории», знаменитого в республике совхоза-завода, о котором и пойдет речь. И та жара, что непривычна северянину здесь, на виноградниках, воспринимается как лишний шанс на спасение после весьма суровой зимы и неблагоприятной весны. Виноградари с каждым днем убеждались: не все кусты замерзли, все больше листьев на лозе, все меньше черных пустот на виноградниках. И снова заработали арифмометры в бухгалтерии совхоза-завода: сводились концы с концами, расходы на урожай увязывались с ожидаемым, вполне реальным доходом. И грозы, налетавшие время от времени из-за близких кодр, и зной, сменяющий короткие ливневые дожди,— все учли арифмометры к середине июня.

На винограднике мы с Абой Яковлевичем Гохбергом, генеральным директором Котовского агропромышленного объединения. Он сказал:

— Крутые земли... Самим богом давно предназначены для виноградников. Но вот такими они стали совсем недавно...

Не верилось, что несколько лет назад здесь были просто выжженные солнцем склоны, пыльный кустарник да оползни. Неудобь. И лишь кое-где торчали виноградные посадки местного колхоза. Ни тебе шпалеры, ни дорог, ни всей этой потрясающей графики, знаменующей новую ступень производственной культуры тех же виноградарей того же Котовска. Говорят, колхоз за восемнадцать лет знал четырнадцать председателей и пережил одиннадцать реорганизаций. Двести трудоспособных владели ста шестьюдесятью гектарами винограда. Был, правда, свой винпункт. А на самом-то деле эта неудобь, на которую ссылались все четырнадцать председателей, таила золотые возможности. Зона кодр по климатическим условиям напоминает то ли Шампань, то ли Абрау-Дюрсо. Но только напоминает. Теперь ясно: Котовская чаша — своеобразнейшее по микроклимату место и, как сказал директор, самим богом предназначено для крупной базы виноделия. Аба Яковлевич местный, тут его родители гнули спины на маломощных виноградниках, он давно знает, что не сами по себе земли или солнце здесь были плохи, а виноградарст-

во требовало реформ. И вот лет двенадцать назад он возглавил совхоз-завод, созданный на базе Котовского винзавода и бывшего колхоза. Специализация явилась тем волшебным ключом, который люди выбрали из всех возможных. Когда виноградарство и виноделие оказались в одних руках, появились деньги, которые можно было вложить в землю, заплатить рабочим за труд. Потомственные виноградари не помешкав вернулись на виноградники. Теперь в «Виктории» рабочих в шесть раз больше, чем было в колхозе. Намного больше и машин.

Чем интересна «Виктория»? Масштабами производства, доходами, степенью машинизации?.. Все это несомненно. Но главная нынешняя особенность в том, что «Виктория» — пример новой организации труда в деревне, которая перестает быть деревней. Совхоз-завод! И не только. Уже год, как «Виктория» является головным предприятием агропромышленного объединения, в которое вошли еще десять совхозов-заводов Котовского района. И Аба Яковлевич Гохберг, член Президиума Верховного Совета Молдавской ССР, теперь не просто директор, а генеральный...

Что же произошло? Процесс индустриализации сельскохозяйственного производства, концентрации материальных ресурсов продолжается. Виноградарство не могло вырваться из круга послевоенных нужд без финансовой поддержки виноделия. Поставляя плановое сырье, земледельческие отрасли получали только крохи от тех доходов, которые давали переработка и готовая продукция самой промышленности. В высшей степени несправедливо! Совхоз-завод комплексно решил насущные задачи земледелия: деньги дали удобрения, машины, новые сорта, грамотный уход в нужные сроки... Отныне завод стал одним из цехов единого агропромышленного комплекса.

Еще в первые годы Советской власти Владимир Ильич Ленин обращал внимание на то, что именно организация труда является самым главным, коренным и злободневным вопросом всей общественной жизни. Да, не только производственной, но всей общественной жизни. Ленин остро ощущал связь между проблемами, казалось бы, чисто производственными и социальными.

Жизнь показала в свое время, что у земли и у машин должен быть один хозяин. И тогда машины продали колхозам. Через несколько лет жизнь показала, что перерабатывать сельскохозяйственное сырье должен тот, кто его производит, иначе в распределении доходов деревня терпит явные убытки. Теперь жизнь подсказывает, что и готовую сверхплановую сельскохозяйственную продукцию реализовать должен сам производитель, то есть ощущается явная потребность в прямых связях между производственными комплексами, объединениями (фирмами) и потребителями. От этого выигрывают все. Агропромышленные объединения не по нутру лишь тем, кому важнее интересы узковедомственные,— различным заготконторам, приемным пунктам, вплоть до соответствующих главков министерств перерабатывающей промышленности.

Вернемся к «Виктории». Породнившись с заводом, совхоз получил возможность последовательно проводить НОТ — научную организацию труда. Сюда пошли работать специалисты с высшим образованием. Была продумана и осуществлена не только механизация трудоемких процессов, но и самый труд людей был научно организован. Цель? Она коммунистами «Виктории» была сформулирована так: «Освобождение людей от тяжелого, неувлекательного труда». Вот оно, главное, за что борется НОТ: труд на земле должен стать увлекательным. Очевидно, лучшие хозяйства страны уже пережили такие стадии, как установление высокой оплаты труда или повышение степени механизации, которые облегчают труд, делают его выгодным, но не больше. И вот еще один шаг вперед: освободить селян от труда неувлекательного. Не только рублем манить, а пробуждать творческий интерес к работе. Для этого она должна быть толково организована, а люди должны подбираться по чисто деловым качествам.

Я выписал любопытный расчет экономической эффективности. Жили-были пятьсот гектаров виноградников. Много лет на них не тратили ни рубля, в частности ни рубля не было потрачено на приобретение машин. Наконец совхоз-завод приобрел технику для этих пятисот гектаров. Женщин с тяпками, которым выплачивалось около восьми с половиной тысяч рублей, сменили механизаторы с общей зарплатой чуть больше тысячи рублей. С приходом техники, естественно, увеличились отчисления на амортизацию, ремонт, на горюче-смазочные материалы, но зато резко снизились расходы на страхование и охрану труда. Короче, на пятьсот гектаров виноградников, бывало, тратили (не вкладывали в них, а именно тратили) более девяти тысяч рублей, а теперь — одну тысячу. Экономия составила почти восемь тысяч рублей. И самое главное: рыхлят землю не вручную, а с помощью хитрой машины ПРВН-72000. Сбор лозы тоже идет с помощью машины. Есть и лозоизмельчитель собственной конструкции (шаг к труду увлекательному!), а вывозят ту же обрезанную лозу в приспособленных силосокопнителях (еще шаг!). Вот вам и эффект и приметы индустриализации. Всего же НОТ дал совхозу-заводу более четверти миллиона рублей чистой прибыли. А производительность труда за один 1971 год повысилась на пятнадцать процентов...

Все, о чем говорилось, только начало. Дело в том, что «Виктория» имеет 1 200 гектаров виноградников, а плодоносят пока не все. Лишь на шестой год лоза достигает зрелости (урожая хотя бы в семьдесят центнеров). А что значит добиться от новой плантации такого урожая на шестой год? Это требует по меньшей мере до трех тысяч семисот рублей капитальных вложений на каждый гектар! Если вести дело серьезно, как и задумано в «Виктории», то все затраты на таком винограднике окупаются через пять лет. Выгодно? Бесспорно. Но, помимо денег, по выражению одного старого виноградаря, надо еще «вложить и мозг, и шею, и спину...». Но теперь-то в основном не столько спину, сколько мозг. И когда лет через пять-шесть урожай дадут тысяча двести гектаров, тогда «Виктория» соберет не меньше десяти тысяч тонн винограда. Цифра невероятная. Невероятна она оттого, что в прошлом году вал составил в пять раз меньше.

Теперь «Виктория» — головное предприятие. Флагман эскадры совхозов-заводов. Забот прибавилось вдесятеро. Цель агропромышленного объединения — концентрация средств и техники: совхозы-заводы, как удельные княжества, были разобщены. Были, конечно, и хозрасчет и прочее, но каждый в одиночку искал наиболее приемлемые пути к прогрессу, правдами и неправдами доставал новые машины, изобретал велосипед, а когда такого «хозяина» вызывали в вышестоящее ведомство или когда он пытался сбыть продукцию повыгоднее, то оказывался один как перст... Теперь «Виктория» — это 75 специалистов с высшим образованием, десять директоров с генеральным во главе. Их действиями руководит общий интерес. Он же диктует и агрополитику: где и какие сорта садить, кому какое вино производить, дабы пути реализации не пересекались и дабы никто никому не нанес ущерба. Вместе и к рыночной конъюнктуре легче приспосабливаться. Марке «Виктория» в трудном соревновании еще предстоит завоевать поклонников! Ибо в республике их несколько, таких объединений, собранных под единым флагом «Молдвинпрома», производящего в республике половину всего винограда.

Процесс концентрации производства и совершенствования управления агропромышленными комплексами — дело, по сути, новое. Но в Молдавии к нему хорошо подготовились. Я имею в виду практический опыт молдаван, он у них многолетний и внушает доверие. «Виктория» не одинока в своих поисках. Вот что рассказал мне секретарь ЦК Компартии Молдавии товарищ С. К. Гроссу:

— Стадия экспериментов давно позади. Работа по созданию агропромышленных комплексов проводится планомерно и с ясным пониманием конечных результатов. Уже сейчас более шестнадцати процентов мяса в республике производят специализированные комплексы. Долевое участие в строительстве мощных откормочников принимают хозяйства всех типов. Новые формы сельскохозяйственных предприятий по ходу дела совершенствуются. Например, молочное животноводство, организованное на индустриальной основе, даст молока в полтора-два раза больше. Принцип? Беспривязно-боксовое содержание, машинная дойка. При хорошем удое на один или чуть больше центнера молока будет затрачиваться один человеко-час (сейчас четырнадцать.— **Н. Б.**). Понадобятся еще пять—семь лет, чтобы создать такую молочную индустрию...

Одновременно в республике создаются бройлерные фабрики, заложено промышленное садоводство (автоматизация, программированный полив, мощная сеть холодильников, своя железная дорога). Один лишь сад, например, размахнется на шесть тысяч гектаров! Объединяется в эти дни лета семьдесят второго года и консервная промышленность со всеми организациями, заготавливавшими овощи. Теперь объединение «Молдплодовощпром» будет не только заготавливать, но и отправлять овощи на всесоюзный рынок. А сколь часто путались, мешали жить друг другу прежние две организации: то нет тары, то не поставлены вагоны; дошло до того, что овощные совхозы не были заинтересованы в выращивании овощей — продукт-то скоропортящийся. Теперь и здесь хозяин один — фирма «Молдплодовощпром».

Думается, что цепь, состоящая из таких звеньев, как производство, переработка и реализация, должна в будущем заканчиваться фирменными магазинами, слава которых будет зависеть от общих усилий, общей заинтересованности всех членов многотысячного коллектива того или иного объединения.

Так осуществляются решения XXIV съезда КПСС. И все, что делают сегодня молдаване, нельзя рассматривать в отрыве от будней всех других наших союзных республик. Само собою разумеется, и это подчеркнул в своем рассказе секретарь ЦК КП Молдавии товарищ С. К. Гроссу, без совместных усилий братских народов не решить ни одного из вопросов индустриализации сельского хозяйства. Пропашные тракторы в Молдавию приходят из Белоруссии — белорусы сейчас готовятся к выпуску тракторов для крутых склонов. Те вертолеты, что зависли над виноградниками,— с заводов Российской Федерации, а удобрения большей частью присылают соседи-украинцы. Иначе говоря, в молдавской грозди есть ягоды, взращенные каждой нашей республикой. Прежде чем начать реорганизацию в управлении агропромышленными комплексами, прежде чем попытаться поднять сельскохозяйственное производство до уровня промышленного, молдаване побывали у краснодарцев в России, у крымчан, в районах Западной Украины. Исследования института «Магарач» и опыт комбинатов «Массандра» и «Абрау-Дюрсо» — все это позволило сегодня молдаванам от экспериментов перейти к новой системе производства винограда и вина (как и мяса, молока, овощей). Но процесс взаимообогащения передовой мыслью двусторонний. Именно в Молдавии проводила ВАСХНИЛ Всесоюзную конференцию, выработавшую научные основы создания агропромышленных объединений...

Кровное родство промышленности и сельского хозяйства в границах одного села взаимно благотворно: поле, сад, виноградник, ферма отныне смогут безотказно получать материально-технические средства, а перерабатывающее предприятие — сырье в самом лучшем виде, в самые лучшие сроки. Отсюда и отличное качество продукции — молока, бекона, консервов, овощей, вина... А главное, дядя с портфелем не будет стоять между ними — ведь он подчас не просто стоит, он обвешивает и обмеривает, занижает фактическую жирность молока, сортность овощей, а повышает кислотность или засоренность. При этом в ход идет ГОСТ, любимая волшебная палочка, которая слушается только его, представителя сугубо промежуточного звена в цепи узковедомственных интересов. А ведь она, эта волшебная палочка, порой вынимает из карманов тружеников села миллионы рублей. Об этом убедительно рассказал корреспонденту «Огонька» (№ 19, 1972 год) директор Всесоюзного научно-исследовательского института, занимающегося изучением причин и разработкой мер предупреждения преступности, доктор юридических наук В. Н. Кудрявцев: «Неправильно определяя качество и вес принимаемых продуктов, создавая таким образом неучтенные излишки, некоторые приемщики присваивали стоимость этих излишков...»

...Хорошо на винограднике июньским полднем! Сухой зной заставляет отчетливо представить литую, холодную гроздь. На тонких лозах тяжелые созвездия винных ягод — пусть сейчас это лишь трогательные соцветия, пьющие солнце. И неожиданно представилось, что фирма «Виктория» — это тоже в общем-то гроздь, наливающаяся соком.

Ю. СМОЛИЧ

В НЕРУШИМОМ ДЕРЖАВНОМ СОЮЗЕ

Когда мы говорим о Союзе Советских Социалистических Республик и о ленинской дружбе народов, на которой и зиждется этот союз, то, разумеется, прежде всего воспринимаем политический аспект. Мы видим: на основании великого ленинского завета и в результате его осуществления в жизненной практике на историческую арену вышло крепчайшее в истории человечества реальное содружество наций и народностей. В нерушимом союзе оно воплотилось в государство рабочих и крестьян, созданное на базе социалистических преобразований всех норм и условий человеческого существования, взаимоотношений между народами, между коллективами и отдельными личностями.

И вот, исходя из этого политического аспекта, мы обретаем возможность владеть всеми иными аспектами — в области экономики, производства, права, науки, искусства, быта... И в каждой из этих областей проявление благотворности дружбы народов столь широко и всеобъемно, что для рассмотрения всех их необходим специальный и долгий разговор. Экономист будет вести речь с позиции задач и реальных достижений в экономических процессах, связующих животворные силы объединенных социалистических наций. Производственник возьмется за рассмотрение конкретных проблем и результатов планирования и кооперирования различных отраслей промышленности советских республик в их общем направлении к строительству коммунизма. Юрист обратит свое внимание на совершенно новое правовое положение гражданина как личности в его взаимоотношениях с другими членами общества и с советским обществом в целом. Ученый увидит высшую меру результативности для решения самых сложных проблем именно в объединенной деятельности научной мысли всех советских народов.

И все мы — из какого бы аспекта ни исходили наши оценки дружбы народов, какой бы ни была профессиональная точка зрения каждого из нас — видим, чувствуем, живем сегодня этой дружбой. Точно так же, как в лихую годину сопротивления фашистскому нашествию мы все, солдаты различных национальностей, шли плечо к плечу — один за всех и все за одного,— поддерживая друг друга, один другого прикрывая грудью, деля последнюю корку хлеба, точно так же мы идем и в мирном строительстве, опираясь на плечо друга, помогая друг другу, кладя свои сбережения в общую копилку.

Это плоды дружбы народов в осуществлении программы строительства коммунизма.

Скажем проще: без этой дружбы, без реальной взаимопомощи советских республик разве возможно было бы так стремительно, так быстро, так полно ликвидировать страшнейшие разрушения, причиненные гитлеровским нашествием? Разве возможно было бы вести дальнейшее строительство и усовершенствование всего нашего бытия?

Без дружбы народов мы, каждый из советских народов, утратили бы свое государственное существование, свою свободу и независимость.

Это видит, чувствует, живет этим каждый советский патриот, но это видимо и ощутимо для каждого честного человека во всем мире.

Мне, литератору, в сфере моей деятельности — и творческой и общественной — дружба народов раскрывается, разумеется, еще и в специфическом аспекте. Скажу прямо: без взаимосвязей между всеми литературами наших социалистических наций я вообще не представляю себе украинской советской литературы. Потому что существует единый процесс советской литературы, ленинскими идеями одухотворенный, методом социалистического реализма вооруженный. Мы, советские литераторы, пишем на десятках языков, каждая национальная литература владеет своими специфическими способами выражения, но цель у нас общая: служить народу, помогать читателю осмыслить современность, наше прошлое и наше будущее. И в этих идейных и творческих связях мы — литераторы разных советских народов — идейно крепнем и творчески обогащаемся.

Мне хочется обратить внимание на один из особо действенных каналов наших межнациональных, интернационалистических связей: это переводы с одного языка советских народов на другой. Где еще в мире так широко практикуются взаимопереводы?

Я отнял бы у читателя слишком много времени, если бы взялся перечислять поэтические, прозаические или драматургические произведения одних только украинских писателей, переведенные на языки братских советских народов. Еще более пришлось бы уделить и времени и места перечислению переводов произведений наших собратьев по перу из других советских литератур на язык украинский. Скажу только, что взаимопереводы охватывают и наиболее выдающееся из классического наследия каждого народа и современную литературу. Только за три последних года и только в издательствах Москвы на русском языке произведения украинских писателей вышли сто раз. Но ведь немало и классической и современной украинской литературы за это же время переведено и издано на всех других языках братских народов — в издательствах братских советских республик. И одновременно издательства Украины тоже только за последние три года в переводе на украинский язык опубликовали произведения русской литературы сто пятьдесят раз, а книги иных советских литератур, скажем, за один только семидесятый год в переводах на украинский язык вышли семьдесят раз. Речь идет об отдельных книгах, не говоря о том, что публикуется в журналах, сборниках, а также на полосах газет.

Но даже этот, столь высокий уровень нас, разумеется, не может удовлетворить — источники творческих взаимосвязей тут неисчерпаемы, и мы полагаем, что в нашей каждодневной практике в этом — могучее проявление ленинской национальной политики партии и свидетельство крепчайших интернациональных связей культур социалистических наций.

Но ведь это только один — пускай и важнейший — канал наших творческих взаимосвязей, а ведь таких каналов, по которым осуществляются наши творческие связи — взаимовлияния и взаимообогащения,— не один. Все вместе они и являются реальной демонстрацией плодотворности дружбы народов в сфере творческой.

Хочу еще сказать, что укреплению связей между национальными литературами особо содействуют связи всех советских литератур с литературой русской. Кроме того, что сам русский язык сплошь и рядом помогает осуществлять наши связи, творческий опыт и творческое накопление литературы русского народа являются как бы цементирующей средой в межнациональных творческих взаимовлияниях и взаимообогащениях. Москва — государственная столица Союза Советских Социалистических Республик — является в то же время, если можно так выразиться, и творческой столицей для всех национальных советских литератур.

А впрочем, не только столицей, но и родным домом. Когда в годину бедствия, в годы Отечественной войны, Украина временно была захвачена гитлеровскими полчищами, тут, в Москве, получили гостеприимное убежище все центральные, руководящие организации Советской Украины, а все братские советские республики приняли миллионы эвакуированных украинцев, наши заводы и предприятия. Мы, украинцы, приезжая ныне в Москву, с особым, волнующим трепетом проходим по Тверскому бульвару и останавливаемся перед домом под номером восемнадцать. Тут, в прифронтовой Москве, в ту пору находился Центральный Комитет Коммунистической партии Украины; тут разместились все наши министерства; тут действовал партизанский штаб, руководивший партизанской и подпольной борьбой на оккупированной украинской земле. Тут находился и ряд наших культурных учреждений, сюда прибывали с фронта или из вражеского тыла, а также из эвакуации украинский писатель, научный работник, общественный деятель. Отсюда разъезжались на фронты или в партизанские тылы. Сохраненные тогда украинские газеты и журналы издавались тут. И мне хотелось бы, чтобы именно перед домом номер восемнадцать на Тверском бульваре был воздвигнут монумент в знак сердечной признательности Москве от Украины.

БЛИЗКИЕ РОДСТВЕННИКИ

Людмила УВАРОВА

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Младший ее брат Юрка учится в четвертом классе, а сама Аля — в девятом.

Пожалуй, больше всех в семье Юрка привязан к ней, к Але. Так получилось, что мама и папа — геологи, постоянно ездят в экспедиции, и Аля с Юркой по нескольку месяцев бывают совершенно одни.

— В каждой семье свой обычай,— говорит Аля. Она не любит жаловаться, хотя ей приходится нелегко: Юрка, как она считает, растет не по дням, а по часам, растет во всех отношениях, недаром самое любимое его слово «Почему?».

Почему космический корабль с космонавтами летит на Луну, а не на Юпитер или хотя бы на Большую Медведицу? Почему деревья живут долго, иные даже сотни лет, а мотыльки всего лишь один день? Почему раньше не ездили на водных лыжах, а теперь ездят? Почему собаки высовывают язык в жару? Почему верблюды едят колючки? Почему барабаны у африканских племен называются тамтамами? Почему говорят «Я ему подложил свинью», а на самом деле никакой свиньи и в помине нет?

Иной раз Аля, ошеломленная его вопросами, чувствует: еще немного — и терпение ее кончится. Раз и навсегда.

— Юрка!— восклицает она, хотя уже много раз давала себе слово говорить с ним только самым ровным, спокойным тоном. — Юрка, умоляю, пощади! Сколько можно?

Но Юрка не отстает:

— Нет, ты все-таки скажи почему?

Подруга Али Мила Чертанова, первая ученица девятого «А», поучительно наставляет:

— Ты должна, просто обязана всегда все знать. Только тогда ты будешь пользоваться у него авторитетом.

И Аля старается все знать. А это нелегко. В самом деле: почему верблюды едят колючки? Или почему барабаны называются тамтамами? Зато, как хорошо, когда можно ответить и сознавать, что ответ правильный.

— Подложить свинью — это идиоматическое выражение,— четко говорит Аля, словно отвечает у доски.

— Что такое идиоматическое выражение?

— Такое выражение, которое следует понимать не буквально, а в переносном смысле. Понял?

— Нет,— честно признается Юрка. — А почему в переносном смысле?

Он и в самом деле не понимает. И Але снова приходится с начала до конца по возможности спокойно объяснять, что такое идиоматический оборот в русском языке, и приводить другие примеры и ни разу не повысить голоса, не потерять терпения, которого — увы!— остается совсем немного.

Мила Чертанова от души сочувствует Але.

— Трудно с детьми,— говорит она.

— Еще как!— соглашается Аля. И начинает загибать пальцы: — Утром следи, чтобы вымыл уши и шею, потом, чтобы позавтракал, потом надо успеть приготовить обед, чтобы он поел после школы, проверить, приготовил ли уроки, потом по нескольку раз вызывать со двора, потом...

И так изо дня в день.

У Али своих дел хватает. И по хозяйству возись, и уроков задают в девятом классе по самое, как говорится, горло, и еще хотелось бы пойти в кино, и на каток, и на лыжах походить по Сокольническому парку, и, кроме того, каждый вечер писать папе и маме письмо с полным во всем отчетом...

Раньше, когда с ними жила бабушка, было куда легче. Но бабушка умерла в прошлом году.

— Я надеюсь на тебя,— сказала мама в последний раз, когда уезжала в экспедицию.— И папа надеется только лишь на одну тебя.

И Аля старается изо всех сил сделать все так, чтобы не обмануть надежд ни мамы, ни папы.

Скоро Новый год, а потом зимние каникулы. Тогда будет малость полегче, хотя, с другой стороны, нагрянут новые заботы: ведь Юрка с утра до вечера будет убегать из дому — в кино, в Дом пионеров в свой радиокружок, в парк культуры,— а ей будет все время казаться одно и то же: вдруг он попал под машину или сломал ногу, катаясь с горы на лыжах!..

Аля идет из школы с Милой Чертановой.

— Вчера папа привез елку,— хвалится Мила.

— Я тоже завтра куплю елку,— говорит Аля.— Пойду на елочный базар возле Палашевского рынка, там елок навалом...

Мила соболезнующе глядит на Алю.

— Что ты все сама да сама?

— А кто же мне сделает?—удивляется Аля.— На моих руках, как ни говори, маленькая, но семья...

— Попроси Олега, он тебе доставит елку прямо на дом.

— Олега? С чего это он будет доставлять мне елку?

— Как с чего? Олег бегает за тобой.

Смуглые Алины щеки заливает румянец.

— Лучше ничего не придумаешь?

— Будто сама не знаешь?

Маленькие глаза Милы в упор смотрят на Алю.

— Ну чего это ты притворяешься?

— Я не притворяюсь,— возражает Аля. — И нисколько он за мной не бегает!

— Нет, бегает, это все знают...

Все еще не отводя глаз от Али, Мила признается со вздохом:

— Была бы я такая, как ты, я бы всем нос утерла!

— Такая, как я? — удивленно переспрашивает Аля.— Я обыкновенная.

— Ты красивая и знаешь, что красивая.

Сама Мила усердно старается похорошеть, чего бы это ни стоило. Пожалуй, никто из девочек в классе не одет лучше ее; она мажет особым кремом свою пористую кожу и даже иногда подводит глаза, хотя яростно отрицает, что подводит.

— Они у меня такие от природы,— утверждает Мила, но девочек не обманешь.

Мальчишки — те люди простодушные, всему верят, зато у девочек глаз острый, наблюдательный.

Однако как бы там ни было, Мила до того стремится быть покрасивей, что иногда выглядит почти миловидной: темные густые волосы зачесывает назад и закрепляет на затылке черным репсовым бантом, кожа от крема кажется загорелой. Мила любит носить только лишь что-нибудь синее или голубое, под цвет глаз. Она считает, что глаза у нее голубые, а на самом деле они у нее серые, но от голубой косынки или василькового свитера и впрямь становятся голубее.

— Была бы я такая, как ты!— еще раз повторяет Мила.

Аля молчит. Конечно, Аля немного кривит душой, говоря, что она самая обыкновенная.

Еще в шестом классе ее все дружно считали самой хорошенькой девочкой в классе, а теперь, спустя три года, по общему мнению, она стала непозволительно красивой.

И, разумеется, Аля знает, что нравится Оле-

гу. Только он ей не нравится. Ей вообще пока никто не нравится.

— А я только и делаю, что влюбляюсь,— сказала Мила.— Правда, ненадолго, но все равно влюбляюсь — сегодня в одного, завтра в другого.

Мила живет не в пример Але беззаботно. Дома ее обихаживают мама и бабушка, шьют и наглаживают ей платья, вяжут для нее свитеры, от нее требуется только лишь одно — чтобы хорошо училась.

Они подходят к дому Али.

— Теперь проводи меня,— говорит Мила.

— Некогда, надо обед разогреть, сейчас Юрка придет.

— Успеешь. Лишние полчаса погоды не делают...

Але и самой хочется еще немного побыть с Милой, но Юрка вот-вот вернется, а без нее он ни за что не поставит суп на плиту.

— Если пойдешь со мной, я тебе что-то скажу,— загадочно начинает Мила.

— Что?

— Сейчас не скажу, а если проводишь, скажу. Очень интересно!

— Для кого?

— И для тебя и для меня. Ну идем, чего ты?

— Я завела особую тетрадь,— говорит Мила.

— Чем особую?

— Я в нее записываю только одно хорошее, что говорят обо мне.

— Что именно хорошее?

Мила лезет в свой портфель, вынимает тетрадь. Обычную школьную тетрадь в косую линейку. На обложке написана только одна буква «Я».

— Что значит «Я»? — спрашивает Аля.

— Сейчас все поймешь. Идем к автобусной остановке, там скамейка, я тебе объясню.

Они садятся на скамейку. Аля раскрывает тетрадь.

— Смотри, вот я пишу: «Мама: «Какая ты у нас хорошенькая!» «Завуч Нина Христофоровна: «Ты все хорошеешь». «Виктор Анучин: «А ты совсем ничего, когда причепуришься». «Лена Ковалева: «Наша Мила сегодня очень интересная».

Аля изумленно перечитывает исписанные аккуратным, четким почерком страницы.

— Все-таки ничего не понимаю.

— Эх, серость! — говорит Мила и поясняет: — Это я записываю, кто мне говорит приятные вещи и что говорит. Конечно, это касается только наружности.

— Для чего это тебе?

— Для самоутверждения.

— Вот как? И ты читаешь всю эту ерунду и самоутверждаешься?

— А как же! Вот у меня плохое настроение, встала не с той ноги, или какой-то мальчик не глядит в мою сторону, а мне охота, чтобы он поглядел, или я самой себе почему-то не нрав-

люсь, прочитаю тетрадку, как меня хвалят, и сразу становлюсь уверенной и начинаю себе нравиться. Теперь поняла?

— Смешно все это,— говорит Аля и, подумав, добавляет любимое папино слово:— Несерьезно.

Мила снисходительно усмехается.

— Почему несерьезно? Для женщины самое главное — быть красивой. Нет ничего важнее.

— Для какой женщины?

— Для любой, даже для самой-рассамой ученой.

Мила прячет свою тетрадку в портфель.

— Конечно,— говорит она,— была бы я такая, как ты, я бы все это не записывала. Но мне необходимо записывать...

— Понятно,— смеется Аля,— для самоутверждения.

Зубы ее блестят, орехово-золотистые глаза кажутся светлее от снега, на смуглом, чистом лице неяркий румянец.

Придя домой, Аля только успевает поставить суп на плиту, как появляется Юрка. Пальто распахнуто, руки без варежек, на шапке снег.

— Опять пальто не застегиваешь,— строго замечает Аля.— А варежки где?

— Где они, я и сам не знаю. — Юрка пытается спеть свой ответ на мотив «Подмосковных вечеров», но слова не совпадают с музыкой, и он тянет:— Где они, я и саам не знаюю...

— Опять в снежки играл?

— Было дело.

— Вот напишу маме с папой, все как есть напишу!

— Не напишешь,— уверенно отвечает Юрка, грея красные, озябшие ладони над плитой.

— Вот возьму и не куплю тебе елку.

— И не надо. Что я, маленький, что ли? Нужна мне твоя елка!

«Ничем не проймешь его,— грустно думает Аля. — Или я просто не умею воспитывать?»

Она обещала маме сохранять неизменное спокойствие, но в то же время быть с Юркой «разумно строгой».

— Мой руки, садись за стол,— приказывает Аля.

Юрка черпает ложкой и тут же отставляет тарелку.

— Опять «Скорая помощь»?

— А что?— растерянно спрашивает Аля.

— Ты же обещала «Скорую помощь» только по понедельникам, а сегодня четверг.

«Скорой помощью» оба называют готовый венгерский суп в пакетах.

— Не успела сварить щи,— виноватым тоном говорит Аля.

— Почему?

— Потому что мясо не успела купить. Ты же знаешь: у меня завтра письменная по литературе.

— Ну и хлебай свою «Скорую помощь» сама.

— И съем. Суп очень даже вкусный.

Аля молча наливает себе суп. Конечно, Юрка прав: «Скорую помощь» из пакетов не сравнить с домашним борщом...

— Юрка, не уходи, вот тебе котлета с картошкой...

— Это можно.

Он быстро уничтожает котлету, тоже покупную, до последнего ломтика съедает жареную картошку и на десерт берет яблоко.

— Вымой яблоко под краном,— приказывает Аля.

— И так сойдет.

После обеда Юрка, как оно свойственно каждому мужчине, добреет.

- Ну ладно, иди зубри, так и быть, сегодня вымою посуду.

Юрка моет посуду быстро, куда быстрее, чем Аля, потому что она трет тарелки щеткой и по нескольку раз обдает горячей водой, а Юрка раз-раз — и готово.

Но Аля ничего не говорит ему. Все равно после ужина все сама перемоет.

Она садится за свой стол, раскрывает учебники.

— А что у вас за письменная?— спрашивает Юрка.— Про Пушкина или еще про кого?

— Образ Ниловны в повести Горького «Мать».

— Интересно?

— А ты почитай. Хочешь, я тебе дам почитать?

— Мне сейчас некогда.

— А ты что будешь делать? Уроки?

— Уроки после. А сейчас приемник. Угадай из чего?

— Как это я могу угадать?

— Из мыльницы,— торжественно объявляет Юрка. Берет со своего стола розовую пластмассовую мыльницу.— Вот видишь: еще два дня — и приемник готов!

На Юркином столе навалено множество самых разных вещей, их названия известны только лишь одному Юрке. Аля дивится подчас, как это он не перепутает все эти конденсаторы, батарейки, катушки, детекторы. И как это только у него получается в конце концов самый настоящий приемник?

— А что тут трудного? — говорит Юрка. — Это же все очень просто: берешь кусок текстолита, нарисуешь на нем схему, просверлишь дырки для деталей, а после возьмешь и спаяешь схему. Понимаешь?

— Не очень,— признается Аля.

— Неужели, нет?— удивляется Юрка.— Ну слушай...

И опять начинает объяснять, и опять Аля ничего, решительно ничего не понимает.

Юрка постоянно ездит в радиомагазин на Кутузовский, покупает там все новые детали, мама оставила для него деньги, и Аля выдает их ему. У Юрки множество приемников, которые он мастерит сам, потом снова разбирает и опять мастерит.

Они сидят за разными столами, спиной друг к другу.

Юрка стучит маленьким молоточком, что-то прибивает, потом идет на кухню и возвращается с раскаленным паяльником. Через минуту в комнате появляется дым и разносится кислый запах горячей меди.

Время от времени Аля из-за плеча поглядывает на его голову, освещенную лампой. Даже затылок Юрки с рубиновыми до сих пор от мороза ушами кажется озабоченным. Юрка сейчас поглощен своим делом, Аля знает, позови его кто-нибудь из ребят во двор — не пойдет.

Все-таки хорошо, когда у мальчика есть свое занятие в жизни!

— Аля,— говорит Юрка, копаясь в груде только ему понятных деталей. — Знаешь что? Пусть у нас будет елка, ладно?

— Ладно.

— А когда купишь?

— Завтра, после школы.

— Смотри, чтобы была не палка, а с ветками.

— Не беспокойся, на то у меня и глаза есть.

— Говорят, ваши из девятого «А» на каникулы в Ленинград поедут?

— Собираются.

— А ты поедешь?

Юркин голос звучит, может быть, против его воли напряженно. Но он ни за что не будет просить ее остаться. Не тот характер.

— Куда ж я от тебя денусь?

— Была бы бабушка, ты бы, небось, поехала...

И обоим вспоминается бабушка. Аля поднимает голову, и Юрка тоже прислушивается, должно быть, им кажется, сейчас в комнату войдет бабушка, спросит тихим своим голосом: «Что, ребятки? Никак, притомились?»

Но никто уже никогда не спросит так. Второй год пошел, как нет с ними бабушки, которая вырастила обоих.

— Почему люди умирают?— немного погодя спрашивает Юрка.

— Как почему? Закон жизни.

— Почему закон?

— Все, что живет, когда-нибудь обязательно умирает.

— А почему нельзя жить вечно?

— Какой ты, Юрка! Нет ничего вечного под луной.

— Кто это так говорит?

— Все говорят.

— А почему до сих пор не изобрели такого лекарства, чтобы давать всем людям, и тогда все будут жить очень, очень долго?

Аля строго говорит:

— Ты мне мешаешь...

— Не буду больше.— Юрка опять берет молоточек в руку.

Поздний вечер. Юрка спит в своей комнате, положив щеку на ладонь. Во сне его лицо выглядит кротким, необычно присмиревшим.

Аля тихо открывает дверь, и Юрка просыпается.

— Спи, спи,— говорит Аля.

Но Юрка поднимается на кровати.

— Аля, почему говорят, что тигры и кошки — близкие родственники?

— Не знаю. В общем, они чем-то похожи.

— Чем? Хвостом?

— Хотя бы.

— У собак тоже есть хвост и у лошадей тоже, а их никто не называет родственниками.

— Спи,— повторяет Аля и хочет выйти из комнаты.

— Подожди,— говорит Юрка.— А мы с тобой близкие родственники?

— Конечно.

— Самые-самые близкие?

— Конечно, близкие.

— А мама все-таки ближе. Правда?

— Ты будешь спать или нет?— Аля старается хмурить брови.

Юрка послушно валится обратно в постель. И через минуту уже спит.

Аля натягивает на него одеяло повыше. Пусть спит. Набегался за день.

А она еще не скоро ляжет. Надо перемыть посуду, вымыть плиту, убрать в кухне; потом поштопать старые Юркины варежки, новые, видать, совсем потеряны. И еще простирнуть несколько его рубашек и выгладить пионерский галстук: завтра Юркин класс собирается в кукольный театр, и Юрка должен выглядеть не хуже других.

Повесив рубашки на веревку в ванной, Аля снова садится за стол, пишет письмо маме. Она обещала маме писать каждый день, чтобы мама и папа знали все досконально, как они живут с Юркой.

«Мы живем дружно,— пишет Аля. — Юрка слушается меня во всем».

Оторвавшись от письма, она считает, сколько месяцев осталось до апреля. В апреле мама и папа должны вернуться. Скорей бы приехали...

«Не забудь, привези мне раух-топаз, а Юрке лапку горной кабарги, старую лапку он где-то посеял...»

Над Алиным столом — полочка, на ней и кварц, и яшма, и сердолик, и агат...

Это все привозят мама и папа с Ильменских гор, с Байкала, из Якутии. У Али уже собралась целая коллекция. А Юрка каждый раз напоминает Але, чтобы написала о лапке кабарги, этой самой лапкой удобно чистить радиодетали.

Аля кладет ручку, думает, о чем бы еще написать.

О том, что Юрка не ест суп из пакета? Или о том, что потерял новые варежки, которые папа привез ему из Амдермы?

Нет, обо всем этом она писать не будет.

Ей снова вспоминается ушедший день. Вспоминается Мила, ее смешная тетрадь, которую Мила завела для самоутверждения. Разумеется, ей, Але, такая тетрадь не нужна. Девочки в классе не устают восхищаться ее внешностью, и Олег — это правда — влюблен в нее и рад был бы сделать для нее хоть что-нибудь.

Но она не будет просить его. Она и сама со всем справляется.

Аля снова берет ручку. Осталось дописать немного. «Завтра куплю елку. Юрка хочет, чтобы была пышная, с большими ветками. А на каникулах я буду ходить вместе с Юркой на лыжах».

Очень хочется спать. А что если закончить письмо завтра?

Аля тушит свою лампу. В окно глядит морозная луна, слышится шум проезжающих машин. Вдалеке над крышей гостиницы сверкают неоновые буквы. От соседей наверху доносятся звуки музыки. Не разобрать, что играют. Кажется, что-то классическое. Интересно: это проигрыватель или магнитофон? Или радиоприемник? Юрка хочет сделать приемник из мыльницы. Неужели сумеет?

Аля опять щелкает выключателем. Пишет маме:

«Можешь себе представить: наш Юрка занят сейчас очень серьезным делом, старается самую обыкновенную мыльницу превратить в приемник. И превратит. Вот увидишь...»

М. Вчерушанский (Москва). ОЖИДАНИЕ.

Выставка произведений молодых художников.

И. Зиемеле (Рига). ЗОЛОТАЯ ЧЕТВЕРКА.

Выставка произведений молодых художников.

ЯЗЫКОМ ВЕСЛА

А. СИЛАЕВ,
старший тренер сборной команды

Гребцы на байдарках и каноэ не так уж давно заняли место в олимпийском строю. В то время как гребцы на скифах (после появления в программе Олимпиад байдарочников и каноистов их стали называть «академиками») включились в борьбу уже на II Олимпийских играх в 1900 году, их ближайшие родственники взяли старт только 36 лет спустя.

Когда на XV Олимпиаде советские спортсмены впервые испытали силы в столь представительных международных соревнованиях, наши соперники уже успели дважды разыграть комплекты олимпийских медалей и утвердить достаточно четко табель о рангах. Гребцы четырех стран — Австрии, Чехословакии, Швеции и Германии — распределили между собой золотые медали в 1936 году, а на следующей Олимпиаде — в 1948 году — соотношение сил менялось лишь среди этой четверки.

Роль догоняющих на воде особенно трудна, и наши байдарочники и каноисты в Хельсинки, на озере Вендури, конечно, не могли с первых же гребков рассчитывать на успех, тем более, что если байдарки издавна культивировались в нашей стране, то каноэ мы начали осваивать лишь незадолго до XV Олимпийских игр. И вот итог: Нина Савина заняла в гонках на байдарках третье место, а двойка каноэ в составе В. Онищенко и Е. Перевозчикова — четвертое.

Что и говорить, наш дебют был более чем скромен, но тем убедительнее прозвучало выступление советских спортсменов на XVI Олимпийских играх в Мельбурне. Судите сами. Если в Хельсинки на дистанции 10 тысяч метров наши каноисты Г. Ботев и П. Харин были лишь десятыми, то на сей раз они завоевали золотые медали. На высшую ступень пьедестала почета после финала байдарок-одиночек поднялась Е. Дементьева, ну, а серебра, золота и бронзы наша команда набрала хоть отбавляй — одна серебряная, а также две бронзовые медали в гонках на каноэ и две серебряные на байдарках.

Так советские байдарочники и каноисты во весь голос заявили о своих возможностях, а затем подтвердили свои силы и на XVII Олимпийских играх в Риме. На озере Альбано золотую медаль на каноэ-двойках получили Л. Гейштор и С. Макаренко, две золотые медали в женских гонках на байдарках завоевали А. Середина (на одиночке и на двойке) и М. Шубина (на двойке), а на каноэ-одиночке у нас оказалась и серебряная медаль [1].

Не менее успешно прошли наши выступления и на XVIII Олимпиаде в Токио. Л. Хведосюк и четверка наших байдарочников в составе Н. Чужикова, А. Гришина, В. Морозова и В. Ионова завоевали олимпийское первенство, а каноисты на сей раз получили золотую медаль на двойке (А. Химич и С. Ощепков) и бронзовую, которую получил Е. Пеняев.

Увы, на этом же уровне выступить нашим каноистам в Мехико не удалось. В то время как байдарочники завоевали две золотые медали (на одиночке Л. Пинаева и в двойке А. Шапаренко — В. Морозов), а также одну серебряную (А. Шапаренко), каноисты должны были довольствоваться лишь бронзовыми медалями (В. Галков и Н. Прокупец — М. Замятин).

Таковы пока наши олимпийские итоги. Ими, как видите, в общем можно гордиться, но меня, как каноиста, конечно, не могут удовлетворить результаты, показанные на последней Олимпиаде, и сейчас, перед выступлением на XX Олимпийских играх в Мюнхене, мне хотелось бы начать рассказ о нашей сегодняшней команде с гребцов на каноэ.

В то время как байдарки стали действительно лодками масс, каноэ до сих пор не нашло у нас еще широкого распространения. А вместе с тем во многих странах очень популярен тип прогулочного каноэ, в котором гребут не с колена, а сидя. На такой лодочке можно проплыть десятки километров, она быстроходна и не нуждается в «шести футах под килем», как говорят моряки.

Известно, что массовость — непременный залог мастерства, вот и получается, что мы имеем достаточно широкий выбор гребцов на байдарках и еще испытываем недостаток в сильных гребцах на каноэ. Но, готовясь к Олимпиаде в Мюнхене, мы постарались правильно использовать все имеющиеся резервы и, как мне кажется, сможем выставить достаточно сильную молодую команду.

В гонках на одиночках претендуют на выступление в Мюнхене 22-летний студент из Днепропетровска В. Юрченко, физически очень выносливый гребец (его рост — 1 метр 95 сантиметров), обладающий прекрасной координацией движений, а также Р. Нагирный, 24-летний спартаковец из Львова, обладающий достаточно большим опытом ответственных соревнований: он был чемпионом СССР на дистанции тысяча метров, а ведь эта дистанция очень трудна, ее можно сравнить с бегом на 1 500 метров, требующим, как известно, от спортсменов большого мастерства. Но вернемся к нашим каноистам. Перед ними стоит нелегкая задача. Ведь на всех предыдущих Олимпиадах нам не удавалось на каноэ-одиночке подниматься выше второй ступеньки пьедестала почета, а в Мюнхене нас ждут соперники очень серьезные: многократный чемпион мира венгерский гребец Вихман, чемпион мира Лёве (ФРГ), молодой, очень сильный каноист из ГДР Вайзе.

Подготовили мы для выступления в Мюнхене и новую двойку. В. Чесюнас и Ю. Лобанов сумели достигнуть полнейшей совместимости и доказали свою силу на первенстве страны в Житомире. Мы верим в их возможности, но борьба им предстоит очень серьезная, ведь их соперниками будут известные каноисты Румынии, Венгрии, ГДР, Швеции.

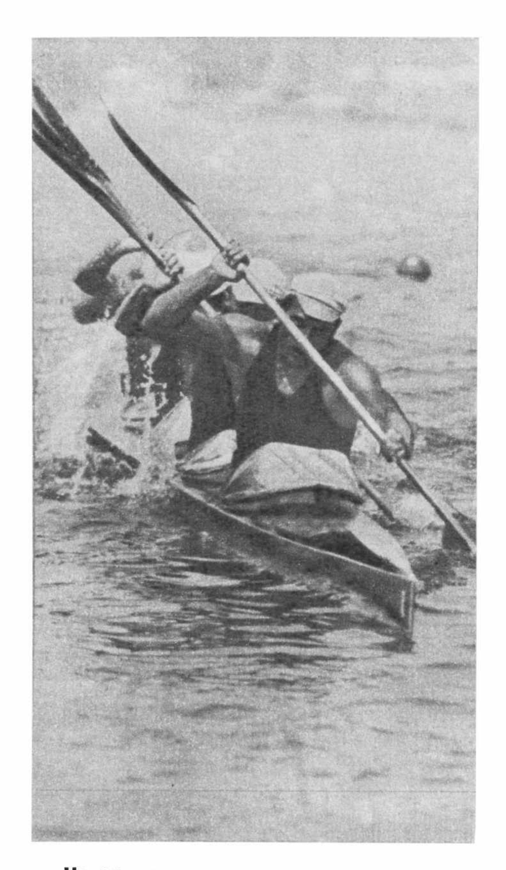
Программа выступлений байдарочников значительно обширнее, чем каноистов, соответственно и роль их в команде бóльшая, да и успехов, как мы уже знаем, они достигали пока более значительных. Но в мужских байдарках-одиночках в отличие от женских нам тоже до сих пор не удавалось завоевывать золотые медали. В Мельбурне И. Писарев занял второе место, и в Мехико А. Шапаренко получил серебряную медаль. Теперь наш славный ветеран И. Писарев работает тренером в сборной команде, но Шапаренко по-прежнему остается в строю, доказав во многих ответственных соревнованиях свое право выступать и в Мюнхене.

Александру Шапаренко 26 лет. За его плечами три победы на чемпионатах мира и столько же побед на чемпионатах Европы. В Мехико он вместе с олимпийским чемпионом Токийских игр в четверке Владимиром Морозовым завоевал золотую медаль на двойке. Казалось бы, что, добившись успеха именно в этой байдарке, Шапаренко и теперь должен занимать место в ней, а не в одиночке (ведь на чемпионате мира 1971 года в Белграде он уступил золотую медаль польскому гребцу Следзиевскому). Но мы верим в силы нашего ветерана, а в байдарку-двойку посадили двух олимпийских дебютантов — В. Кратосюка и Н. Горбачева, доказавших свои силы на чемпионате страны. Мы считаем, что наша двойка сможет бороться на равных с такими сильными соперниками, как команда ГДР (А. Златный и К. Райнер) и австрийцы, бронзовые призеры мексиканской Олимпиады — Пфафф и Сейболт.

Много времени и сил потребовала у нас подготовка байдарки-четверки. В команду вошли испытанные бойцы, чемпионы мира Ю. Филатов, Ю. Стеценко и В. Диденко, а также двукратный олимпийский чемпион В. Морозов.

Как всегда, сильно и уверенно должны выступить наши женщины. Л. Пинаева, несмотря на свои 36 лет, в содружестве с Е. Курышко будут бороться за золотые медали в байдарке-двойке, а в одиночке старт возьмет молодая одесская спортсменка Ю. Рязинская.

Мы знаем, что нашим гребцам предстоят тяжелые испытания, но они никогда не боялись борьбы и привыкли объясняться на дистанции языком весла, а это решительный и смелый язык.

Четверка на дистанции.
Фото А. Бочинина.

[1] А. Силаев не называет имени серебряного призера, так как этим призером был он сам. Нам остается лишь добавить, что и в Мельбурне Силаев был призером Олимпиады, заняв в гонке на каноэ-одиночке третье место.— **Ред.**

НАЙТИ ВОСКРЕСШЕГО

Ф. ШАХМАГОНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА.

1

Все, что произойдет, я мог узнать, не выходя из своего служебного кабинета. Но как удержаться и не взглянуть на старого «знакомого», который и не подозревал, что в нашем лице нашел терпеливейших исследователей его запутанной, темной биографии.

Мы ждали его... Рано или поздно он должен был вновь появиться. Тогда нам не сразу удалось установить, кто он такой. Теперь же мы знаем о нем очень многое.

Лайнер, на котором прибыл «гость», подруливает к назначенному месту. И вот уже по трапу спускаются пассажиры.

Вот и он! В сером летнем костюме, через левую руку перекинут плащ, в правой — кожаный портфель прямоугольной формы.

Жарко. Сальге снимает шляпу и вытирает белоснежным платком пот со лба. Обычный житейский жест. Но так ли это?

Одного из встречающих мы заметили несколько ранее. Он приехал минут за двадцать до приземления лайнера. Это Нейхольд, корреспондент одной из буржуазных газет.

Несколько лет он работает на Сальге, или, вернее, на тех, кто посылает этого господина к нам в гости.

Одет он небрежно. Полуспортивный костюм, изрядно потершиеся джинсы, сандалеты, замшевая курточка.

Черные волосы заброшены назад; смуглое лицо, с горбинкой нос.

С господином, которого встречает, у Нейхольда есть какое-то сходство.

Последний раз мы видели Сальге пять лет тому назад. Эти годы мало что изменили в его внешности, разве что немного поседел да углубились морщинки у глаз. И только! Держится он все так же прямо, лишь едва заметно приопустились плечи.

Одет не «с иголочки», нет! Едва приметная небрежность в костюме, не очень плотно завязан узелок галстука. Голубая рубашка...

Итак, он снял шляпу, вытер платком пот со лба...

Нейхольд, перекидывая из одного угла рта в другой жевательную резинку, бесстрастно смотрит на приближающихся пассажиров. Этот жест приезжего не вызвал у него никаких эмоций. И все же!

Мои товарищи уловили в общем круговороте, в аэродромной сумятице уверенное, целеустремленное движение человека. Это шофер такси. На голове у него форменная кепочка. Еще молодой, лет этак двадцати пяти, пиджак нараспашку, в зубах сигарета. Остановился у табачного киоска, прошелся вдоль книжного прилавка, подбросил в руке связку ключей — профессиональный жест. Вернулся к машине, сел за руль. К нему подходили пассажиры и тут же отходили. Он отказывался ехать...

На привокзальной площади — интересующий нас господин. Он обежал равнодушным взглядом машины и уверенно направился к той, за рулем которой сидел таксист, обратившим на себя наше внимание.

Господин подошел к окошку, протянул шоферу листок бумаги и что-то начал объяснять знаками. Обычная сценка в международном

аэропорту: иностранец, не знающий русского языка, объясняет шоферу, куда ему надо поехать; шофер смотрит на листок бумаги и соглашается отвезти пассажира.

Сальге сел в машину. Такси медленно тронулось.

Итак, он сел к «своему». Это усложняло наблюдение, требовало особой осторожности. Но мы его ждали, стало быть, готовились и к неожиданностям.

Через несколько минут мне доложили, что на этот раз Сальге приехал из Федеративной Республики Германии под именем Иоахима Пайпера. Еще несколько минут потребовалось для того, чтобы узнать: господину Пайперу забронирован номер в гостинице «Украина».

Все пока было в порядке. Мы установили, под каким именем он приехал, знали, куда он проследует с аэродрома. Но с этим господином требовалась особая осторожность.

Был ли риск, что он сменит пункт назначения или захочет где-то побывать до приезда в гостиницу?

В двух точках, в которых, как нам было известно, сходились его интересы, мы уже готовы к встрече с ним... Предстояло, конечно, заняться шофером такси.

А Нейхольд словно бы все еще кого-то ждал на аэродроме. Кого он ждал?.. Мы должны отметить для себя, что он был на аэровокзале, когда прибыл Сальге, как когда-то Сальге присутствовал при отлете Нейхольда в Париж, наблюдая за его посадкой в самолет...

2

Не так все начиналось пять лет тому назад... Тогда мы о приезде этого господина узнали не сразу.

Поздним вечером в отделение милиции небольшого подмосковного городка Верея явилась Клавдия Ивановна Шкаликова. Она всех знала в городе, и ее все знали. Тихий, небольшой городишко в глубине больших лесных массивов, которые можно считать предплечьем брянских лесов. В городке швейная фабрика — вот и вся промышленность. В пригородах пионерские лагеря.

Она вошла к дежурному по отделению милиции в двенадцатом часу ночи. Сидящий за столом старшина удивленно поглядел на нее. Шкаликова... Узнал старшина.

Женщина подошла к барьеру и тихо сказала:

— Сынок! Ты уж извиняй меня! Где Иван Иванович?

Это было в стиле городка. Все друг друга знали по имени и отчеству. И старшина не удивился, что она именно так спросила о начальнике городского отделения. Удивился другому: как это Клавдия Ивановна не взяла в толк, что начальника в такой поздний час не должно было быть на работе?

— Начальник? Спит он... Отдыхает! А что случилось?

Шкаликова было наклонилась ближе, как вдруг засомневалась.

— Нет, Николай! Нет, нет... Иван Иванович мне нужен...

— Так уж срочно? Приходите, Клавдия Ивановна, утром...

— Нельзя утром. Буди начальника! — И в голосе ее такое послышалось, что старшина смирился и поднял телефонную трубку...

Иван Иванович хотя и со сна, но выслушал рассказ Шкаликовой.

Все произошло недавно, полчаса тому назад... Ее дочка Леночка сидела у открытого окна и читала.

На крыльце послышались чьи-то тяжелые шаги, потом постучали.

Шкаликова спросила, не открывая двери:

— Кто там?

Незнакомый голос ответил:

— Сергея Николаевича! Можно его повидать?

Вопрос грянул как гром с неба. Она себе не поверила, переспросила:

— Какого Сергея Николаевича?

— Шкаликова! Сергея Николаевича! — ответил тот же голос.

Спрашивали ее мужа... И как не удивиться? Ее муж, Шкаликов Сергей Николаевич, сгорел пятнадцать лет тому назад во время пожара на дальней делянке лесхоза.

Лесной пожар возник ночью на торфяном болоте, перекинулся на сосновую рощу, потом запылал склад заготовленного к вывозу леса, и сгорела дотла сторожка, в которой спал Шкаликов. Для всех Шкаликов считался сгоревшим. Но Клавдия Ивановна имела, однако, основания предполагать, что он... не сгорел.

Так кто же спрашивает ее мужа? Кто? Тот, кто за пятнадцать лет не узнал, что Шкаликов сгорел, или тот, кто, как и она, мог предполагать, что он жив?

Шкаликова открыла дверь. На крыльце стоял высокий немолодой человек восточного типа. Но акцента в его речи заметно не было.

Незнакомец поздоровался, назвал ее по имени, представился старым знакомым ее мужа. Час был поздний, но, не узнав, что скрывается за этим посещением, Клавдия Ивановна не хотела выпускать незнакомца, хотя и испугалась. Она пригласила его в дом.

Он вошел в прихожую. Клавдия Ивановна усадила его за стол и объявила, что муж ее умер пятнадцать лет тому назад...

Незнакомец, как она уверяла, растерялся. Высказал свое сожаление.

— Откуда, простите, вы его знаете? — спросила Шкаликова.

— Воевали вместе! — ответил он уклончиво и засобирался.

Шкаликова попросила дочку поставить чайник.

— Я вас так не отпущу! Я ни разу не видела ни одного фронтового товарища Сережи! Расскажите, как он воевал... Это не мне — моей дочери надо знать!

Не знала она, что лишь этой фразой «Я ни разу не видела ни одного фронтового товарища Сережи» она спасла себе жизнь.

— Воевал? — спросил незнакомец.— Я не знаю, как он воевал. Мы с ним встретились в плену! Под Кенигсбергом... В лагере для военнопленных... Он носил с собой вашу карточку... Поэтому я вас сразу и узнал... Это — чудо, что и он и я остались живыми... До сих пор клеймо на мне... Сергей Николаевич мог бы кое-что подтвердить... Я долго его искал... Когда он умер?

— В пятьдесят втором...

— По лагерю в Кенигсберге он мог бы подтвердить, что изменником я не был... Отчего он умер?

— Сгорел он... В лесном пожаре...

Последовал мгновенный вопрос:

— Вы его хоронили?

Страшный вопрос. Именно этот вопрос и решил исход всего дела.

— Что же было хоронить-то? Свезли мы его останки в могилу... Ошибки не было... дважды не умирают... А я дважды его хоронила: извещение получила и вот...

Незнакомец выпил стакан чая, сокрушаясь о смерти товарища, рассказал о лагере для военнопленных, о том, как расправлялись с русскими гестаповцы, распрощался и ушел, не назвав своего имени.

Иван Иванович был старым оперативным работником. Именно оперативная работа приучила его не отмахиваться от трудноуловимых, невыраженных впечатлений. Худой, немного сгорбленный, но собранный, как пружина, человек. Он сумел уцепиться за почти неуловимое в рассказе Шкаликовой.

Пока еще очень смутно, но все же вырисовывалось объяснение ночного визита. Неосновательное, ничем не подкрепленное, но все же объяснение. Ну хотя бы и такое. Вместе были в плену. Шкаликов прошел комиссию, ни в чем не оказался замешанным. А этот незнакомец мог быть и повязан преступлениями с захватчиками. Словом, мог он отбывать и наказание. Вышел... Прошли годы. Решил повидаться с сотоварищем по плену. Что же здесь удивительного? Искал как свидетеля...

Шкаликов считался умершим еще задолго до того, как Иван Иванович стал работать в этом городке. Поэтому в ту ночную встречу Иван Иванович был совершенно не подготовлен для разговора.

Иван Иванович попытался сопоставить все как-то во времени и задал всего лишь уточняющий вопрос:

— Когда умер муж?

И вдруг ошеломляющий ответ:

— Он не умер... Он жив!

— Сбежал, что ли? К другой ушел?

Несколько позже Шкаликова при мне повторила свой рассказ. Мешались в этом рассказе вещи вполне понятные и вещи, заставлявшие задуматься...

— Получила я открытку — пропал без вести...— рассказывала Шкаликова.— Не похоронная! А что это означает: пропал без вести? Где он? Какое ему лихо? Слезы душат! Долгие ночи все о нем думаю. Из-под венца на войну ушел... А тут эвакуация в Сибирь... Мыкалась одна как могла. Первенький наш глотошную в дороге схватил. Умер... Как вдруг — войне уже кончаться — муж явился...

Разговор шел дома у Шкаликовой. Мы к ней приехали двумя днями позже.

Иван Иванович поправлял ее, возвращая к той форме рассказа, в которой она ему все выложила.

— Да ты не волнуйся, Клавдия Ивановна,— урезонивал он ее.— Не торопись!

— Явился! — продолжала она, стараясь не потерять нити рассказа. Чувствовалось, что вот-вот слезы подступят к глазам.— Только, гляжу, порченый он! Ночью проснется, закричит... Зубы скрипят. В плену все видит себя... Боялся он!

Вот она, точка, вот те два слова, которые привели начальника отделения милиции к нам, в Комитет государственной безопасности. Ему она толком и не объяснила, кого он боялся. Я тут же спросил ее:

— Кого он боялся?

Шкаликова скосила на меня глаза, вздохнула и не ответила. Задумалась.

— Рассказывай, рассказывай! — подбадривал ее Иван Иванович.— Нам все нужно знать, чтобы разобраться!

— Как ночь, под кровать топор кладет...— продолжала Шкаликова.— На стенку ружье вешал, чтобы сразу рукой дотянуться. На окна глухие ставни поделал. У нас их сроду не было. Он закрывал ставни изнутри и снаружи. Запрется кругом, запрет ставни, тусклую лампочку зажжет, ложится, а не спит... Не спит... Лежит часами с открытыми глазами. Или всю ночь ходит и ходит... Собака залает — одна рука к ружью, другая — за топор... Успокаивала я его... Допытывалась. «Сергей,— говорю,— ежели в чем виноват, пойди повинись...» А он посмотрит на меня чудными глазами и молчит...

— Ждал он кого-то! — подсказал Иван Иванович.

Я смотрел на Шкаликову. Ответ мне ее был известен со слов Ивана Ивановича. Ответ этот тоже был всего-навсего намеком.

— Ночи долгие... Сама ведь тоже не сплю... Как-то ночью совсем измаялась. Спрашиваю: «Кого ты ждешь?» А он вдруг говорит: «Если б знал, кто придет, встретил бы... И топор взял бы!»

Иван Иванович многозначительно посмотрел на меня поверх ее головы. Вот как. Топором встретил бы, да только кого он так встречать вздумал?

Но сам Шкаликов, сам он кто же таков?

Из ее рассказа мало что прояснилось. Работал он, как из плена пришел, на тихих, незаметных работах. Служил в бухгалтерии лесхоза контролером, перешел обходчиком леса, потом ночным сторожем на лесном складе. Вернулся с войны еще молодым человеком. Почему же ему не захотелось попытать себя на деле, более значительном и интересном? И не пил... Трезво жил.

Шкаликова заканчивала:

— А как дочь родилась, успокоился. Радовался он ей! А тут и исчез...

Иван Иванович тогда ночью боялся спугнуть ее лишним неосторожным вопросом. Принял все как должное.

В два дня, что прошли после ее прихода в милицию и нашего к ней приезда, кое-что прояснилось. Опять же лишь слегка.

Иван Иванович успокоил ее, отправил домой и связался с нами. Свое обращение в Комитет государственной безопасности он обосновал тем, что исчезновение Шкаликова было явно связано с пребыванием Шкаликова в плену. Он считал необходимым найти Шкаликова, посмотреть его дело и расспросить, кого же он боялся. По его мнению, Шкаликов сразу пролил бы свет на всю эту историю. Поинтересовался он, почему жена считает, что жив он. Шкаликова рассказала, что каждый месяц аккуратнейшим образом шли к ней денежные переводы из разных городов и поселков. Всегда одна и та же сумма. Смутило и Ивана Ивановича и нас, что переводы шли от разных лиц. Города, из которых приходили переводы, далеко друг от друга. Могло создаться впечатление, что человек, отсылающий деньги, все время находится в дороге. Я сейчас же дал указание нашим товарищам изучить географию переводов, чтобы уловить хоть какую-нибудь связь между ними, сам же поехал со своим помощником Василием Михайловичем Снетковым к Шкаликовой.

— Топор, ружье, ставни... Это интересно! Не от милиции и не от нас он собирался отбиваться топором...— сказал Василий Михайлович.— Послушайте, Никита Алексеевич! Интересное это дело! Разрешите, я поеду...

Прежде чем войти в дом к Шкаликовой, мы с Василием подошли к окну. Заглянули внутрь комнаты. Интересная деталь: в окно была видна задняя стена. На стене, как это обычно бывает в деревенских избах или вот в таких домиках в небольших городках, было развешано множество семейных фотографий. Висел портрет молодых: Шкаликов в солдатской гимнастерке и его жена. Заглянув в окно, ночной посетитель мог увидеть все эти фотографии. Они могли подтвердить ему, что он пришел по адресу.

Итак, мы у Шкаликовой. Она все рассказала. Мне в общем-то были понятны мотивы, которые привели ее в милицию. Но хотелось, чтобы она сама это объяснила. Я спросил, что ее заставило обратиться в милицию. Клавдия Ивановна задумалась. Я настаивал на своем:

— Для себя вы никакой беды не ждали?

— Для себя? — воскликнула она с удивлением. Но тут же удивление и прошло. Она задумалась.— Для себя? — переспросила она.— Нет! Для себя не ждала! Бабье чутье подсказало, что вот он, тот самый, кого боялся Сергей, для кого ружье и топор под рукой держал...

Кое-что мне все же нужно было уточнить.

— Скажите, Клавдия Ивановна, когда вы получили последний перевод от мужа? — Я нарочно сделал ударение на последнем слове.

— На днях! — ответила она чуть слышно, без тени удивления.

— Алименты по договоренности?

Она оставалась по-прежнему спокойной, как спокоен человек, ничего не утаивающий.

— Ни о чем я с ним не договаривалась... Исчез — и все... Сгорел...

— Когда вы догадались, что переводы идут от него?

— Чего же гадать? Кто же еще пошлет? Кому нужно? Думала поначалу, что другую нашел...

— Где же он?

— Не знаю...

— Вы его искали?

— Зачем? Что с ним делать, если жизнь его с нами не получалась?.. Дочь поднять он мне помог! Спасибо ему и на этом! Подросла вот! Последние два года больше переводит... Да какие у него заработки? Таится от всех, боится всего...

— Чего боится? Что его заставило уйти? — не выдержал Василий.

— Намек он мне давал... Оттуда должны прийти... С пленом все связано! Что у них там вышло, не знаю... Только говорил: «Придут — мне один конец. Или руки на себя наложить, или топором встретить!»

— Вы не сказали гостю, что сомневаетесь в смерти мужа?

— Нет. Я только вам открылась.

Итак, Шкаликов боялся, что к нему явятся «оттуда». «Оттуда» — это уже не только из прошлого. Он не хотел этой встречи. Стало быть, эта встреча была для него ужасна. Или топором встречать того, кто придет, или руки на себя наложить... Это не ссора! Это... И к тому же уточняющий вопрос: «Хоронила ли она его?» Может быть, у незнакомца были основания предполагать, что Шкаликов скроется, инсценировав смерть?

3

Почему исчез Шкаликов, что заставило его скрыться от семьи? Никаких сомнений, что он любит дочь! Неужели он так ни разу и не повидал ее? А если и повидал, то никто об этом и не догадывался... Почему он скрылся?

Год и день мнимой смерти ничего не разъяснял. Он скрылся после того, как родилась дочь. Рождение дочери — и сразу же этот по-

жар... Они как-то увязаны — эти два события. Но как? Что заставило его бросить семью?.. Подняло его с места что-то очень серьезное.

Само по себе исчезновение Шкаликова не побудило бы нас взяться за это дело, его поиски остались бы в компетенции милиции. И переводы со сложной географией мало еще о чем говорили. Такого рода истории встречались и без столь мрачной подоплеки. Главное — это то, что он ждал кого-то «оттуда». «Оттуда» мог появиться экземпляр, интересный и для нас.

Искать Шкаликова — вот к чему сводилась задача. Искать ночного посетителя было почти безнадежно.

Мы попросили дочь Шкаликовой дополнить рассказ матери о внешности незнакомца: ведь она была дома, когда он пришел к ним. Девочка начала было вспоминать, как вдруг предложила:

— Я могу нарисовать его портрет...

Оказалось, что она отлично рисует.

Мы получили хотя бы некоторый намек на его внешний облик. Это уже большое дело. И оно сыграло свою роль. Но об этом позже. Тогда все еще терялось в предположениях.

Мог ли кто еще знать, что Шкаликов жив? Мог ли этот незнакомец искать Шкаликова через других лиц? Это знать тогда, на том этапе расследования, нам было не дано.

Подняли архивы. След, как это ни было удивительно, все же нашелся. Что побудило старшего лейтенанта Колобкова из особого отдела 39-й гвардейской стрелковой дивизии оставить это дело в архиве, не знаю. Старший лейтенант Колобков погиб смертью храбрых при штурме города Познань.

Именно там, на подступах к Познани, «группа Шкаликова» вышла к нашим войскам. В протоколах допроса она так и именовалась «группой Шкаликова». Их было всего четверо. Шкаликов Сергей Николаевич, рядовой, год рождения 1920-й. В плен был взят под Ярцевом осенью сорок первого года. Установить, попал ли Шкаликов в плен, будучи, как он показывал, раненым, или, поддавшись панике, поднял руки, сейчас уже не представлялось возможным.

Значился по материалам в «группе Шкаликова» и Власьев Николай Павлович. В плен он попал на Северном Донце в августе 1943 года. Лейтенант, артиллерист, воевал в 8-й гвардейской армии. Может, здесь и лежит объяснение того, что Колобков, оперуполномоченный особого отдела 39-й дивизии, переслал дело в архив: 39-я гвардейская стрелковая дивизия входила в состав 8-й гвардейской армии. На Северном Донце в сорок третьем году, в августе, она перешла в наступление. Добровольно тогда в плен не сдавались. 8-я гвардейская — это бывшая 62-я армия, защищавшая Сталинград. Гвардейская, легендарная армия. В ее рядах сражались сталинградцы, они были ее цементирующим костяком. Нет, Власьев не мог сдаться в плен! В его показаниях значилось, что он был контужен.

Следующим в списке стоял младший лейтенант Алексей Алексеевич Раскольцев. Год рождения 1922-й. В бои он вступил под Ярцевом и сразу же попал в плен. Утверждал, что взят в плен после тяжелого ранения.

Подполковник Анатолий Иванович Голубев. Звание в лагере для военнопленных скрывал, выдал себя за шофера. В плен был взят в Белоруссии в июле месяце сорок первого года. Колобкову показал, что был взят на дороге немецкими танкистами. Ехал на машине в расположение штаба дивизии. Штаба на месте не оказалось, их машина встретилась на лесной дороге с немецким танком, сопровождавшим бронетранспортер с автоматчиками. Перевес был на стороне врага. Застрелиться не поднялась рука. Признание это было в его пользу, так как никто и никогда не установил бы истину, если бы он сослался, например, на контузию.

Бежали все четверо из лагеря для военнопленных под Познанью...

Колобков тщательно записал их показания, они совпадали. Наиболее полным, хотя несколько и суховатым, мне показался рассказ Голубева.

Вот выдержка из протокола допроса:

«**СЛЕДОВАТЕЛЬ.** Скажите, как вы познакомились в лагере с Сергеем Николаевичем Шкаликовым.

ГОЛУБЕВ. Совершенно случайно... Это было где-то перед Новым годом... Наступал год сорок пятый. Я всю войну провел в лагере для военнопленных неподалеку от Познани... Работал... Герой из меня не получился...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Какого рода работы вы выполняли?

ГОЛУБЕВ. Скрывать не буду...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я этого не советовал бы делать. Лагерь освобожден. Мы это легко можем установить.

ГОЛУБЕВ. Меня постигло страшное несчастье. Я не знаю, чем я могу смыть свой позор, чем я могу заслужить прощение моего народа. Я не решился застрелиться. Стрелять по танку из пистолета, как вы понимаете, бесполезно. Работал... Немцы оборудовали заново и перестраивали форты и крепость в Познани. Было много земляных работ... Лопатой работал. Землекоп.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы показали в лагере, что по профессии шофер...

ГОЛУБЕВ. Показал. Но это их не интересовало. Машину мне не доверили.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А если бы доверили?

ГОЛУБЕВ. Увы, я ничего не связывал с тем, получу ли я машину, сяду ли я за руль, или нет... Не дали машины, и все, хотя некоторые в лагере работали шоферами.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, вы познакомились со Шкаликовым в канун Нового года.

ГОЛУБЕВ. Числа смешались... Не помню, какого это было числа. Мы не следили за числами по календарю. В это время наша авиация бомбила железнодорожные узлы, где скапливались немецкие войска. Разрывы были слышны и в лагере. Из военнопленных создали несколько бригад для расчистки железнодорожных путей. Я попал в такую бригаду. В эту же бригаду был зачислен и Шкаликов. Я его ранее в нашем лагере не видел. Но тогда много появилось новеньких. Немцы отступали и переводили военнопленных из тех районов, куда вступала Красная Армия. В этой же бригаде оказались Власьев и Раскольцев. Они тоже были переведены из других лагерей. Раскольцев утверждал, что он по случайности выбрался живым из Майданека.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы тогда знали, что такое Майданек?

ГОЛУБЕВ. Я и сейчас толком не знаю, что это такое. Знал, что есть такой лагерь под Люблином. Мы его название произносили шепотом. Плохо, но и у нас работал свой «вестник». В Майданек отправляли тех, кто уже не мог работать на земляных работах, кто заканчивал оборудование военного объекта. Отправляли и тех, кто решался на побег и попадался. Мы его называли между собой «преисподней»... Это была смерть.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вам о себе рассказывал Шкаликов?

ГОЛУБЕВ. Я ничего и никому не рассказывал о себе, не спрашивал и других. Правду у нас редко рассказывали. Так... что-нибудь из прошлой жизни. Из довоенной... О семье, о детях!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Шкаликов рассказывал, как он попал в плен?

ГОЛУБЕВ. Рассказывал... Был ранен. Попал в плен без сознания. Но это все так говорили: ранен, контужен... Проверить я не мог и не очень-то вникал в его рассказ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но он был организатором побега... Вы должны были бы каким-то образом проникнуться к нему доверием.

ГОЛУБЕВ. А если бы я ему не доверял? Что это изменило бы? Мы все были обречены. Все, кто имел какое-то отношение к строительству укреплений. Я доверял ситуации. А ситуация была удобна для побега. Это могло прийти в голову любому из нас. Шкаликов сообразил первым. А может быть, и не первым. Он первым рискнул заговорить об этом с товарищами. Наша бригада расчищала железнодорожные пути на больших станциях. Все было в завалах: обрушенные здания, провалы в стенах. Вокруг лес... В бригаде десять человек. Сопровождал нас немец лет пятидесяти пяти. В очках. Равнодушный. По-моему, он всего боялся. Десять человек могут уйти от одного автоматчика, когда кругом пожары, руины, обвалы. Шкаликов предложил бежать. Он предложил мне первому напасть на немца.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему именно вам?

ГОЛУБЕВ. Не знаю... Власьев присоединился к нам в самую последнюю минуту. Заранее с ним Шкаликов не сговаривался.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто-нибудь собирался бежать с вами из вашей бригады?

ГОЛУБЕВ. Собирались...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему никто с вами больше не ушел? Вас ушло из десяти только четверо...

ГОЛУБЕВ. На этот вопрос ответить невозможно... Почему мы раньше не пытались бежать? Куда бежать? В лес? А дальше? Начнут искать... К кому мы обратимся в чужой стране? Кто нас скроет?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но вы все же бежали!

ГОЛУБЕВ. Бежали... Нас могли выдать в первой же деревне. Нас не выдали.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы скрывались на хуторе?

ГОЛУБЕВ. В подполе у хозяйки. Крестьянка. Она нас скрыла.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я прошу поподробнее рассказать, как все-таки был осуществлен побег.

ГОЛУБЕВ. Я и Шкаликов напали на автоматчика. Шкаликов сбил у него с глаз очки, я вырвал автомат и застрелил его, чтобы не поднял шума. Побежали... Но не в лес... В лес сразу нельзя. Хватятся, с собаками найдут. Мы скрылись под обломками. Огляделись. Оказалось, нас четверо... Я, Шкаликов, Раскольцев и Власьев.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что случилось с вашими товарищами?

ГОЛУБЕВ. Мы слышали выстрелы...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мы имеем данные, что их тут же расстреляли.

ГОЛУБЕВ. Это мы могли предполагать... Но каждый из них мог бежать в ту минуту так же, как бежали и мы. Под обломками нас не нашли. Мы слышали собачий лай. На камнях собаки не взяли следа. Ночью опять бомбили наши. Все, что удалось за день немцам расчистить, все было вновь разбито и разбросано. Ночь и следующий день мы сидели под обломками. В тот день немцы не выгоняли наших на работу. Ночью мы двинулись в лес. Шел мокрый снег с дождем. Это удача. Шли на запад. Так нам казалось надежнее. Вел Шкаликов. Он сказал, что у одного поляка разузнал дорогу к хуторам. Там мы надеялись выпросить какой-нибудь еды.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вам не говорил Шкаликов, у какого поляка он расспрашивал дорогу?

ГОЛУБЕВ. Я не спрашивал... Мне было все равно. Поляков в лагере было много. Их тоже заставляли работать на укреплениях.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто пошел на хутор?

ГОЛУБЕВ. Шкаликов...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему именно он? Он знал немецкий или польский язык?

ГОЛУБЕВ. Немецкий язык знал у нас один Раскольцев. А что было делать с немецким языком? Мы шли к полякам.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но почему пошел на хутор именно Шкаликов? Он что, очень смелый человек?

ГОЛУБЕВ. Наверное, не из трусливых! Мы оставались в лесу. Если бы он на хуторе наткнулся на немцев, ему спасения не было бы! У нас оставались какие-то шансы. У меня был автомат.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Герой ваш Шкаликов?!

ГОЛУБЕВ. В герои мы не годимся. Жизнь... Она живуча... Цепляется и за голый камень. Вы видели когда-нибудь березки, растущие на голом камне, на кирпичной стене? За что она держится, куда пускает корни? А? Он долго пропадал. Вернулся, сказал, что можно идти.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Он объяснил вам, почему вас решила скрыть эта полька?

ГОЛУБЕВ. Объяснил... Она считала, что скоро придет Красная Армия. Она спросила, кто с ним. Он рассказал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы с хозяйкой общались?

ГОЛУБЕВ. Нет! Я все время сидел в подполе. К ней выходил по ночам Раскольцев. Он ей понравился... Молодой, холостой. Бойкий он был парень. Студент...»

В показаниях Голубева меня заинтересовала одна фраза. Это ответ на вопрос следователя, смелый ли человек Шкаликов. Голубев ответил: «Наверное, не из трусливых». Он был вообще очень сдержан в своих оценках и, я сказал бы, даже скромен. Голубев представал передо мной человеком правдивым. В логике этого характера и его судьба. Он добился возвращения в строй. Сражался. Был тяжело ранен в боях на Магнушевском плацдарме, где несколько дивизий 8-й гвардейской сдерживали удар немецкой танковой группы. Ранение было тяжелым. Он два года провел на госпитальной койке и умер в сорок седьмом году.

Стало быть, Шкаликов «не из трусливых». Что же с ним случилось, когда он вернулся домой? Не таким нам его обрисовала его собственная жена. «Боялся он»,— говорила она. Даже если что-то и было, чего он мог опасаться, зачем двойные ставни? Ночи не спал... И смело пошел один на хутор. Сам вызвался. Любой из четырех мог пойти. Пошел он...

Несколько иным, чем обрисовала его Клавдия Ивановна, представал он и из допроса.

«**СЛЕДОВАТЕЛЬ.** Расскажите, Шкаликов, как вы попали в плен?

ШКАЛИКОВ. Попал, и все... Как и все тогда попадали. Меня ранило, другие и без ранениев сдавались... Сила перла. Растерялись. А тут крики, минометы бьют... Окружение...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Решили, что Красной Армии конец?

ШКАЛИКОВ. Про Красную Армию какой разговор! Про себя решил, что конец! Настает такая минута, гражданин начальник...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я не начальник!

ШКАЛИКОВ. Извините! Привычка лагерная, каждого начальником звать, кто без номера на спине.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Куда были ранены?

ШКАЛИКОВ. В плечо. Поглядите! Кровью в поле истекал, они подняли — и в колонну... Как в колонну попал, так и пошло... Никуда не отобьешься.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В каких были лагерях?

ШКАЛИКОВ. Во всяких... Все разве упомнишь? Далеко меня не загоняли. В Белоруссии, потом в Польше...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что делали в лагерях?

ШКАЛИКОВ. Все, что и другие... Работал. Лес валил, дороги мостил, насыпи ремонтировал. В каменоломнях камни выбивал. Так и жили... Жрать-то надо было. Не работал бы — с голоду сдох. И без того кожа да кости остались... А тут подвернулось бежать... И нельзя было не бежать. Знали мы много. Крепости строили, подземные заводы. Все равно нас уничтожили бы...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Группу возглавили?

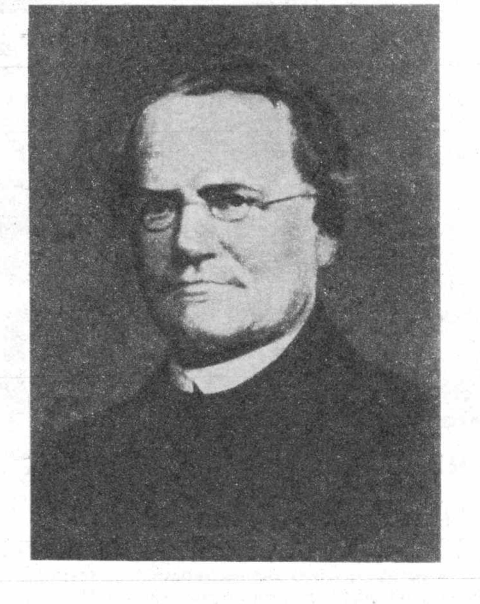
ШКАЛИКОВ. Чего же ее возглавлять? Сказал одному, другому. Вижу: не предадут, сами все смерти в глаза глядят. Не предали...»

Бойко отвечал, с налетом даже какой-то пренебрежительности к себе и к следователю. Так держат себя люди, уверенные в своей правоте, или те, кто разыгрывает эту уверенность...

Очень уж облегченно выглядел в рассказе Шкаликова весь побег, от начала и до конца. Так вот, запросто доверился совершенно незнакомым людям в лагере, где все было пронизано агентурой гестапо. И не мудрено, военнопленные этого лагеря работали на немецких военных объектах первой важности. Правда, удачно смягчала все обстановка, в которой совершался побег. Немцам, и в особенности гестаповцам, тогда было уже не до военнопленных. Расчистка завалов при бомбардировке. И тут все сходилось. Пришлось поднять некоторые архивные материалы в Министерстве обороны. Да, действительно, накануне Нового года, когда союзникам приходилось трудно в Арденнах, наша авиация усилила налеты на железнодорожные узлы. И подслеповатый конвоир... Скорее всего, из фольксштурма — тогда Гитлер ставил под ружье всех, кто мог стоять на ногах. И именно Шкаликов сбил у конвоира очки, а Голубев пристрелил. Мог стрелять и Шкаликов. Но тогда совсем герой, а кто-то умный очень осторожно раскладывал весь этот пасьянс. Почти герой, да не герой... И налеты, и завалы, и полька... Искала хозяина, земледельца. Без мужика в доме какое же хозяйство? Она много знала, эта полька... Прошло более двадцати лет. Где же ее найдешь? Так почему же старший лейтенант Колобков не встретился с этой польской крестьянкой и не спросил ее? Она была тогда на месте, недалеко. От нее очень многое зависело в этом побеге, побег мог бы окончиться трагически. Она прятала их, рискуя жизнью.

Продолжение следует.

ОПЕРЕДИВШИЙ ВЕК

В эти дни все прогрессивное человечество торжественно отмечает 150-летие со дня рождения великого сына Чехословакии Иоганна Грегора Менделя, чьи исследования легли краеугольным камнем в фундамент современной генетики. О значении его научного творчества по просьбе «Огонька» рассказывает вице-президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова академик Б. Л. АСТАУРОВ:

— Крестьянский сын, он учился и работал всю жизнь. Начальная школа в Линнике, философское училище в Оломоуце, богословский институт в Брно, Венский университет. Это учеба. А одновременно работа: репетиторство, преподавание в гимназии и высшей реальной школе, под конец жизни обременительные обязанности настоятеля августинской общины святого Томаша и все время не имеющая с ними ничего общего деятельность члена Брненского общества естествоиспытателей, многочисленные исследования в области наследственности, сельского хозяйства, пчеловодства, метеорологии. Биография, быть может, не совсем рядовая, но, если ограничиться только этим, совсем не выдающаяся. И сегодня мы не причисляли бы Иоганна Грегора Менделя к великим ученым, если бы не его непреходящая заслуга в раскрытии сущности явлений наследственности.

Начав на 34-м году жизни в монастырском саду необычайно строгие и продуманные опыты по скрещиванию разновидностей гороха, Мендель вскрыл самые основы явлений наследственности, общие, как показало будущее, для всех живых существ. Он вплотную подошел к разгадке того, почему дети не только похожи на родителей, но сплошь да рядом проявляют вновь, казалось бы, исчезнувшие признаки своих далеких предков. При этом он установил математически строгие закономерности передачи этих наследственных признаков, менделевские законы. Сам он эти закономерности законами не называл. Обнародованные им в 1865 году, опередившие науку своего времени, они остались не оцененными современниками и пролежали в архивной пыли 35 лет, когда в 1900 году были «переоткрыты» одновременно и независимо друг от друга тремя выдающимися генетиками: Карлом Корренсом в Германии, Гуго де Фризом в Голландии и Эрихом Чермаком в Австрии. Тогда-то и было понято их общее значение, они были объявлены законами, или, скромнее, правилами, и положили начало новой великой науке нашего времени — генетике, став научной основой всех ее приложений в практике и прежде всего селекции.

Мендель ясно показал, что признаки наследуются как обособленные единицы и связаны с дискретными и устойчивыми, передающимися через половые клетки материальными структурами, наследственными задатками или факторами (теперь мы называем их генами). Это открытие имеет действительно всеобщее значение, и под его знаком проходило все развитие современной генетики. При этом Мендель в классической форме продемонстрировал методы гибридологического анализа процессов наследственной передачи и в почти законченном виде дал математическую символику, отвечающую потребностям такого анализа.

При всей внутренней законченности, кристальной ясности и неопровержимости менделевских исследований они сами по себе, в сущности говоря, еще почти ничего не объясняли. Наоборот, они задали задачу, возбудили вопросы, на которые предстояло отвечать в течение всего прошедшего с тех пор столетия и на которые мы продолжаем отвечать еще и теперь.

Вот этот-то забег вперед, в область биологии будущего, который мы сейчас оцениваем как печать гениальности, и был, вероятно, причиной того, что при первом появлении на свет труды Менделя остались, в общем, непонятыми и неоцененными, произвели на некоторых впечатление курьеза, к которому неизвестно, как следует отнестись.

Пока творения Менделя покрывались архивной пылью, быстрый прогресс биологии превратил ее из науки, не подготовленной к пониманию опередивших свой век открытий, в науку, которой именно знания менделевских закономерностей как раз и недоставало.

Победно шествующему дарвинизму для полноты материалистической теории эволюции больше всего недоставало знаний о материале, которым оперирует естественный и искусственный отбор, то есть о наследственных изменениях и законах их передачи потомству.

С другой стороны, в результате стремительного накопления сведений о клетке, ядре, хромосомах, их делении, распределении хромосом по половым клеткам и их сочетании в процессе оплодотворения была нарисована почти законченная картина живых материальных структур и процессов, лежащих в основе «менделирования» наследственных «задатков» и простых числовых соотношений при расщеплении зависящих от них признаков.

Но даже и теперь восприятие менделизма оказалось вовсе не единодушным, и далеко не все было сразу трезво оценено.

Часть биологов почувствовали и правильно оценили огромный потенциал научного вклада Менделя и стали активными творцами на путях последующего неуклонного прогресса генетики. Не обошлось при этом и без увлечений и крайностей моды.

С другой стороны, не было недостатка и в обратном — в недооценке прогрессивного значения и потенциальных возможностей нового направления, в предубеждениях против его, казалось, упрощенно-математического, как бы абиологического подхода к сложнейшим явлениям жизни.

В наши дни в значительной мере благодаря вкладу советских ученых органичный синтез менделизма и дарвинизма стал совершенно очевиден.

В середине нашего века лицо генетики сильно изменилось. Исследования углубились на молекулярный уровень. Раскрытие генетического кода и путей биосинтеза клеточных белков сопровождалось подлинной научно-технической революцией в биологии. Родились молекулярная генетика и молекулярная биология.

Теперь вполне очевидно, что именно открытия Менделя были отправной точкой и предопределили весь фронт современных генетических исследований. Это на их основе выросли те методы, с помощью которых создаются новые, невиданной продуктивности сорта растений и породы животных, новые могучие антибиотики, раскрываются огромные резервы рыбоводства, звероводства, шелководства. Генетика не признает фатальности наследственных болезней, напротив, ищет и находит способы, позволяющие исправлять трагическое влияние дефектных генов. Именно от генетики мы ждем, в частности, окончательной победы над злокачественными опухолями.

Этот великий расцвет генетики предвидел и ждал великий подвижник советской генетики и селекции Николай Иванович Вавилов: «Учение Менделя положило начало новой эпохе экспериментального овладения наследственностью организмов».

Глубокое и общее значение своих открытий понимал и чешский ученый. За три месяца до смерти (1884) он подвел итог своей жизни, своим поискам:

«Если мне и приходилось переживать горькие часы, то я должен признать с благодарностью, что прекрасных, хороших часов мне выпало гораздо больше. Мои научные труды доставили мне много удовлетворения, и я убежден, что не пройдет много времени — и весь мир признает результаты этих трудов».

Он ошибся только в сроках.

БОРОТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО НРАВОУЧЕНИЯМИ

Н. ЖОГИН,
доктор юридических наук,
Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

В нашем обществе ликвидированы многие социально-экономические причины преступности, ее питательная среда. И с полным основанием можно утверждать, что одной из основных еще действующих причин преступности в нашей стране является алкоголизм. Около половины всех преступлений совершается в состоянии опьянения. Это хулиганство, разбои, грабежи, умышленные тяжкие телесные повреждения, изнасилования и убийства. Тревожные эти факты имеют свое объяснение: алкоголь — наркотическое вещество, нарушающее психику человека. И недаром старая арабская поговорка гласит: «Когда вино в человеке, то разум его в бутылке».

Вот судебная хроника дел, в основе которых все тот же «зеленый змий», «разум в бутылке».

...Монтажник одной из столичных строек Н. И. Поруков не был алкоголиком. Пил лишь в получку и выходные дни. Однажды, придя домой пьяным, он потребовал от жены еще «четвертинку». «Не дам! Еле на ногах стоишь!» Тогда Поруков подошел к кроватке спящего девятимесячного сына, достал из кармана перочинный нож и, пошатываясь, крикнул: «Или четвертинка, или сына не будет». Испуганная женщина подбежала к пьяному мужу. Началась борьба. Одурманенный водкой Поруков успел ударить ножом спящего ребенка. Преступник был осужден к суровой мере наказания.

...Известно, что пьяный за рулем — горе и для пассажиров и для пешеходов. Советское законодательство предусматривает наказание (вплоть до одного года лишения свободы) за вождение машины в состоянии опьянения. Даже тогда, когда не наступило тяжких последствий. Но, видимо, некоторых водителей-пьяниц не пугает этот закон, а может, он и не всем им известен. Более сорока процентов нарушений правил безопасности движения транспорта — это результат опьянения водителей. А среди них немало и владельцев частных автомобилей. В начале 1972 года группа научных работников отмечала в ресторане «Арагви» защиту докторской диссертации И. Е. Ковчеговым. Среди гостей были профессор Василий Петрович Захаров и жена его Инна Алексеевна, преподаватель одного из институтов столицы. Верные установившейся традиции, участники торжества основательно выпили. Не отказывалась от вина и Инна Алексеевна, прибывшая к ресторану на своей машине. Казалось бы, азбучная истина: выпила — не садись за руль. Но у Захаровой был свой кодекс. Она лихо повела машину, в которой рядом с мужем сидел и виновник торжества И. Е. Ковчегов. Пьяный вояж, как и следовало ожидать, закончился трагически: машина врезалась в столб. Ковчегов и Захаров погибли, а сама Инна Алексеевна в тяжелом состоянии была доставлена в больницу.

Среди многих преступлений, совершаемых пьяницами, есть категория деяний, вызывающих чувство особого омерзения: спаивание подростков. Народным судом Советского района Москвы осужден Ю. И. Чуркин, водитель 18-го таксомоторного парка, за вовлечение в пьянство сыновей — 13-летнего Сергея и 9-летнего Игоря. Дома он систематически пьянствовал, устраивал дебоши, и после одного такого скандала жена вынуждена была обратиться за помощью в отделение милиции. Административная комиссия райисполкома оштрафовала Чуркина на 25 рублей. Тогда пьяница решил отомстить жене. «Доносить на меня?.. Дорого заплатишь за это». Далее следовала нецензурная брань и снова угрозы. «Расплата» была своеобразная: в отсутствие жены Чуркин приходил домой, уводил сыновей на кухню, ставил на стол бутылку водки и предлагал выпить. Все это кончилось тем, что Сергея в тяжелейшей степени опьянения доставили в медвытрезвитель. Народный суд воздал должное пьянице и дебоширу Ю. И. Чуркину, приговорив его к лишению свободы.

К сожалению, наши общественные и административные организации порой весьма либерально относятся к таким чуркиным — эка беда, дал сыну пятьдесят граммов... А ведь вовлечение несовершеннолетних в пьянство иногда приводит к трагическому финалу. В Москве, на машиностроительном заводе, выездная сессия нарсуда слушала дело четырех несовершеннолетних парней — Виктора Нестерова, Вадима Шмелева, Никиты Белевицкого и Сергея Кривошеева, которые в пьяном угаре, «просто так», «от нечего делать» пырнули ножом токаря Валерия Уксусова. Парни решили навестить знакомых девиц, которые предупредили их: «Предков дома не будет. Можем гульнуть на всю катушку». И гульнули. Потом вышли на лестницу и, встретив Уксусова, напали на него. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что юнцы пристрастились к спиртному еще в ПТУ № 31, из которого они и пришли на завод. Кто-то в ПТУ приучал их к «ста граммам», кто-то журил — «ведь дети еще!», но, услышав в ответ традиционное «эка беда», успокаивался...

Проведенное в Литве социологическое исследование среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательно-трудовых колониях, показало: до 16 лет начали пить 84,4 процента несовершеннолетних преступников. 60 процентов ребят пили водку в домашних условиях, в присутствии родителей.

В этой связи трудно переоценить значение той части Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», в которой речь идет об ответственности за вовлечение в пьянство несовершеннолетних. Да и весь этот Указ проникнут духом непримиримого отношения к пьяницам и алкоголикам. К сожалению, до последнего времени кое-где пьяницы, пользуясь примиренческим отношением к ним, наносили немалый ущерб народному хозяйству. Проверка, проведенная прокуратурой Челябинской области, установила: свыше 100 работников завода металлоконструкций имени С. Орджоникидзе в течение года были доставлены в медвытрезвители и привлечены к ответственности за мелкое хулиганство. В результате прогулов, в основном из-за злоупотребления спиртными напитками, было потеряно свыше полутора тысяч человеко-дней, не обеспечен выпуск продукции на 58 тысяч рублей.

Со дня своего основания Советская власть повела беспощадную борьбу с пьянством. Борьба эта особенно усилилась в последние годы.

Сказал свое слово и Закон: по действующему уголовному законодательству совершение преступления в состоянии опьянения не только не смягчает вину правонарушителя, но, как правило, является отягчающим ответственность обстоятельством. (К сожалению, это далеко не всем известно.) И вот, наконец, самые последние Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, документы, проникнутые заботой об интересах общества, о здоровье советских людей, об их благополучии.

В печати опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма. Будет в связи с этим Указом изменено действующее законодательство. Но, как справедливо отметил Л. И. Брежнев в своей речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа 12 июня 1970 года: «Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется. Он обязателен для всех, его должны соблюдать все без исключения, независимо от положения, чина и ранга». Практика показывает, что там, где органы суда, прокуратуры настойчиво добиваются исполнения законов, направленных на борьбу с пьянством, там укрепляется правопорядок, снижается количество преступлений, особенно таких, как хулиганство, преступления против личности. Можно поставить здесь в пример Волгоградскую область, где строго следят за соблюдением всех законов, постановлений, решений, ограждающих общество от разгула пьяниц. Делается это систематически, целеустремленно. Руководители Волгоградского городского и областного управлений торговли активизировали контроль за соблюдением правил торговли спиртными напитками. Волгоградцы ведут бои с пьянством широким фронтом, используя и силу Закона и силу общественного воздействия. Злостные, хронические алкоголики здесь берутся на учет, и многие из них направляются на принудительное лечение. На улицах города реже стали появляться пьяницы-хулиганы. Уменьшилось и количество некоторых опасных преступлений.

Но есть и другие примеры. В Свердловском районе столицы на стадионе «Машиностроитель» проводился «День здоровья». Большая группа учащихся энергетического техникума решила отметить этот день весьма своеобразно — учинила на стадионе пьяный дебош. Где же они, несовершеннолетние парни, выпили столько водки, что потеряли человеческий

облик? Оказывается, рядом со стадионом, на Селезневской улице, есть магазин по продаже вина в розлив. Там услужливо предложили юным шалопаям: «Пейте на здоровье!» Для «Дня здоровья» лучше и не придумаешь. Вся эта история кончилась печально — дебош, избиение граждан...

Существует такой порядок: о любом гражданине, попавшем в медвытрезвитель, сообщается по месту его работы или учебы. Ну, а дальше? Какие меры принимаются? Органы милиции Краснопресненского района столицы направили руководителям предприятий 3 145 писем — это на основании актов, составленных в медвытрезвителях. А ответов было получено лишь 390. На некоторых предприятиях руководители не используют предоставленное им законом право лишать хулиганов премий, льготных путевок в дома отдыха и санатории, переносить очередность на получение жилплощади.

Есть претензии и к органам суда, милиции. Кое-где суды, разбирая дела хулиганов, пьяниц, допускают либерализм, а прокуроры потворствуют им, не проявляют должной принципиальности. По делам пьяниц и хулиганов следует чаще проводить судебные процессы непосредственно на предприятиях с участием общественных обвинителей.

В Прокуратуру СССР нередко поступают жалобы на бездействие отдельных работников милиции, не принимающих мер по заявлениям с просьбой оградить население от буйствующих пьяниц. В Гродненский городской отдел внутренних дел обратилась тов. Мацкевич с заявлением: ее муж систематически пьянствует, продает вещи, угрожает убийством. Она просила направить мужа на принудительное лечение. Участковый инспектор тов. Носов, получив в УВД документ, по которому Мацкевич должен быть направлен в лечебно-трудовой профилакторий, вручил этот документ... самому Мацкевичу. А ведь закон требовал от тов. Носова лично препроводить пьяницу в профилакторий. Мацкевич, конечно, воспользовался беспечностью тов. Носова. Направление в профилакторий он спрятал в карман и с ножом ринулся на жену. Гродненский областной суд совершенно правильно указал в частном определении, что одной из причин совершенного преступления — покушения на убийство — явилась нераспорядительность участкового инспектора.

Совет Министров СССР своим постановлением предусмотрел ряд мер, направленных на сокращение производства водки и крепких водочных изделий, наведение порядка в торговле алкогольными напитками. Должна быть улучшена работа по выявлению, учету и лечению хронических алкоголиков. С теми, кто злоупотребляет спиртными напитками, нужно бороться не только нравоучениями, но и мерами административного, материального воздействия.

Надо создать вокруг пьяниц обстановку нетерпимости, всеобщего осуждения, усилить антиалкогольную пропаганду. Действовать нужно широким фронтом — общественность, административные органы, органы здравоохранения, культуры, просвещения, — действовать решительно повседневно и повсеместно.

СЕГОДНЯ НЕ ДО ШУТОК!

Сало ФЛОР, международный гроссмейстер

Хотелось бы комментировать только чисто шахматный процесс игры и обойти молчанием всю некрасивую закулисную игру претендента. Но разве можно молчать, когда Фишер совершает такие невероятные зигзаги и хочет держать под шахом весь шахматный мир? Я люблю юмор, но сегодня не до шуток.

Читатели «Огонька» помнят, как накануне вылета в Исландию чемпион мира Борис Спасский на пресс-конференции в Москве дал высокую оценку таланту Роберта Фишера и заявил:

— Я смотрю на матч с Фишером, как на большой праздник.

Справедливо сказано! Каждый матч на первенство мира является праздником для шахматного мира. А как нам всем испортил праздничное настроение претендент! Да, на него вправе быть в обиде его терпеливый и тактичный соперник Б. Спасский и любой советский шахматист, любой наш гражданин. На Фишера должны быть в обиде и его соотечественники — американцы. Очень обижен на претендента и любой исландец. Ведь каждая исландская семья внесла по пять долларов, чтобы обеспечить матч. На Фишера вправе обидеться вся многомиллионная армия шахматистов, собранная под девизом ФИДЕ: «Мы — единая семья».

Первенства мира по шахматам проводятся уже почти сто лет, всякое случалось за это время, но то, что себе позволяет Фишер, не имеет в прошлом аналогий: назначенная премьера на 2 июля состоялась только 11-го. Несколько дней длилась «увертюра». На шахматном матче в основном фигурируют два участника и арбитр. Режиссер Фишер ввел в состав еще одну фигуру: адвоката!

Но вот участники матча уселись за столик. Первая партия сначала протекала спокойно. В момент, когда казалось, что гроссмейстеры вот-вот согласятся на ничью, Фишер «залепил» такой ужасный ход, что никто глазам своим не поверил. Впечатление от этого хода было такое, что Фишер забыл старые шахматные законы. Он соблазнился выигрышем «отравленной» пешки, взять которую считается, мягко выражаясь, плохим тоном.

М. Ботвинник правильно полагает, что сила Фишера в том, что он далеко и точно рассчитывает варианты. Но на этот раз американский гроссмейстер явно просчитался. А ведь все было просто: на пальцах можно было считать: раз-два-три — и слона нет!

Победа Спасского была воспринята с удовлетворением. На улице, в метро, всюду можно было слышать комментарии: «Молодец, Боря! Хорошо, что наказал Фишера».

На претендента поражение на премьере подействовало, судя по всему, весьма сильно. Ведь Фишер за последнее время отвык от таких чувствительных уколов. Тайманову, Ларсену, Петросяну он сам наносил удары в первом же раунде. И вот начались новые фокусы Фишера. Несмотря на то, что он дал письменную гарантию, что будет себя вести нормально, точно по правилам, он снова занял позу обиженного. Фишер войдет в историю как первый шахматист, который проиграл партию за неявку. Это настолько неестественно, ненормально, неэтично по отношению к чемпиону мира, к публике, к спортивному миру, что просто рука не поднимается комментировать подобную «партию».

Улетит Фишер или не улетит? И действительно, вскоре стало известно, что Фишер взял билет на рейс Рейкьявик — Нью-Йорк, но в этот момент приключения и похождения Фишера перестали развлекать шахматный мир, многим это просто надоело.

Лопнуло терпение у всех, в том числе у президента ФИДЕ, профессора Эйве. Он еще после продолжительной «увертюры» матча сказал, что желает победы Спасскому, ибо если Фишер станет чемпионом мира, то это повлечет невероятные затруднения для ФИДЕ. Еще бы! Если Фишер как претендент не признает никого, то уж в чине чемпиона на него управы не найдешь!

И вот Эйве принял решение: если Фишер еще два раза не явится на игру, то он будет тут же дисквалифицирован.

Хочется напомнить читателям «Огонька», что беседа с Фишером на языке ультиматума всегда действует. И на этот раз, имея билет в кармане, Фишер поменял маршрут Рейкьявик — Нью-Йорк на Выставочный зал — третья партия.

Если Фишер в первой партии и сделал один слабый, даже безумный ход, то на сей раз он сумел удержаться от решающей ошибки. Одним словом, Фишер явился на третью партию. Спасский еще раз пошел навстречу пожеланиям своего капризного партнера и удовлетворил его просьбу играть без зрителей. «Процесс при закрытых дверях» развивался в пользу Фишера. Спасский третью партию провел как-то вяло, пассивно.

Секундант Фишера У. Ломбарди, когда-то чемпион мира среди юношей, и адвокат Фишера за три часа до начала партии заявили, что Фишер себя плохо чувствует, и поэтому просили Спасского согласиться играть партию в небольшом помещении. Но играл третью партию Фишер не как больной, он не допустил ни одной ошибки. Для Фишера эта партия в какой-то степени даже «историческая»: впервые за 12 лет знакомства и встреч со Спасским в разных турнирах Фишер выиграл у него.

В первой и третьей партиях Фишер кое-что вытащил из своего чемодана с вариантами. Надо признать, что в обоих встречах он улучшил игру за черных. Можно не сомневаться, что и бригада Спасский — Геллер приехала в Исландию не с пустыми руками. Нет сомнения, что Спасский и Фишер теоретически вооружены до зубов и изучили друг друга вдоль и поперек, но нам кажется, что некоторые комментаторы слишком увлекаются значением дебютных новинок. Если одиннадцатый ход Фишера в третьей партии практически оправдался, то это еще не значит, что из-за этого хода Спасский проиграл партию. Причиной поражения Спасского явился ход в середине игры: 18. g3.

Любопытно, что в первой партии ход g2 — g3 принес Спасскому победу, а в третьей партии тот же ход оказался решающей ошибкой!..

Гроссмейстеры, которые за последние годы играли с Фишером, говорят, что есть два Фишера: один в обыденной жизни, полный противоречий, а второй — сидящий за шахматной доской, действующий с железной логикой. Именно с таким Фишером мы и встретились, наблюдая за третьей партией матча. В ней не было никакого фейерверка, но за внешней простотой скрывалась глубина стратегических замыслов, и это производило сильное впечатление на знатока шахматного искусства.

Таким образом, счет матча 2 : 1 в пользу чемпиона мира.

Что будет дальше? Может быть, на этом и закончатся экстравагантные комбинации Фишера? Может быть, теперь все пойдет нормально, в чисто шахматном русле? Боюсь в этом направлении делать прогнозы. Можно только выразить надежду, что шахматный мир станет наконец свидетелем творческих конфликтов лишь за шахматной доской. Но, увы, тут же мне вспоминаются слова одного гроссмейстера, который, досконально изучив характер Фишера, сказал: «Если матч сложится удачно для Фишера, то будет тихо. Если же нет, то будет шумно...»

Фото ТАСС и из журнала «Квик».

Пропаганда насилия и жестокости с экранов кино и телевидения — одна из причин роста преступности в капиталистических странах. «Только за одну неделю,— писал журнал «Квик»,— по западногерманскому телевидению было показано 103 убийства, 10 казней, 6 покушений на убийство, 27 перестрелок, 52 драки, 8 поджогов и целый ряд других действий преступного характера».

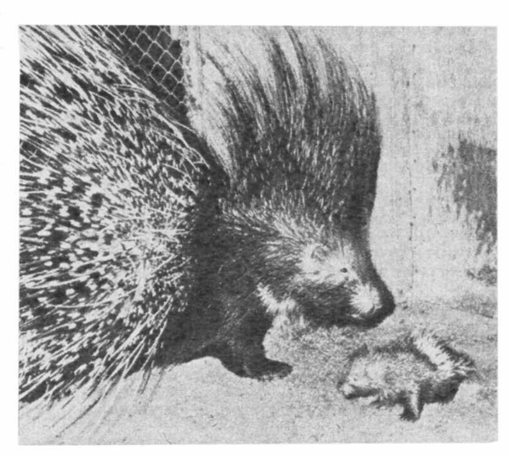

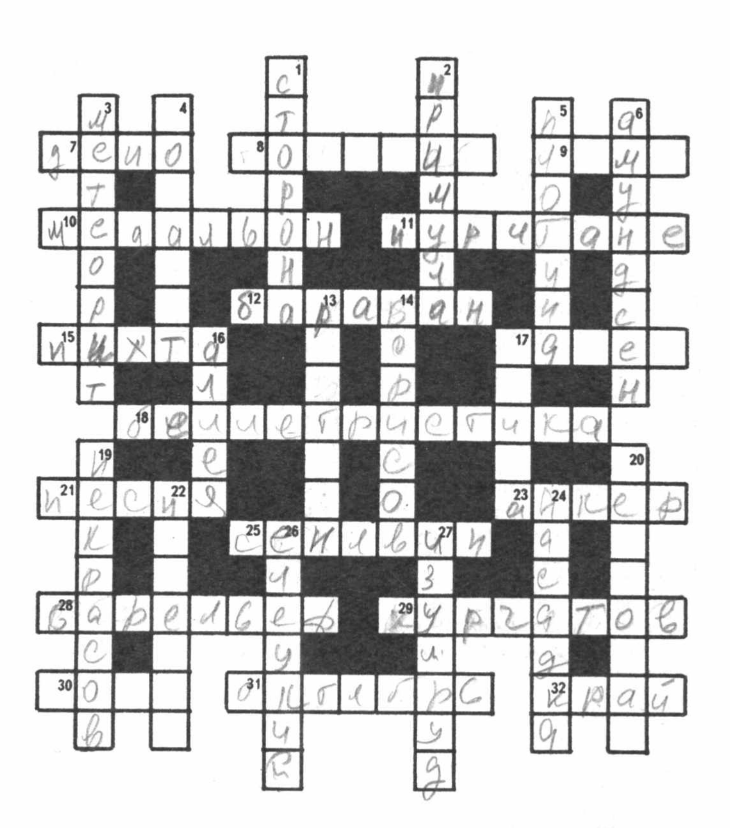
Пожары на нефтеналивных судах наносят огромный ущерб. Их обычно трудно тушить из-за легкой воспламеняемости груза. Так бы, наверное, боролись с огнем пожарники из Иокогамы, которые поливают водой гигантский танкер «Терукуни Мару» водоизмещением 248 тысяч тонн. Но это всего лишь тренировочные занятия.

И надо же было такому случиться, что лев Юмбо из Миланского цирка подрался со своим «коллегой по работе». Юмбо лишился обоих нижних клыков. Искусственные зубы ему решил вставить доктор Джорджио Гнальдуччи... Выстрел из ружья — и пуля с наркотиком свалила пациента. Укол — и он погрузился в глубокий сон. Операция продолжалась два часа. Сейчас в пасти у Юмбо красуются два искусственных клыка.

Этот маленький дикобраз недавно родился в мюнхенском зоопарке «Хеллабрунн».

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Здание для стоянки и ремонта локомотивов. 8. Русский писатель. 9. Озеро в Сибири. 10. Ювелирное изделие. 11. Роман В. Скотта. 12. Ударный музыкальный инструмент. 15. Хвойное дерево. 17. Грамматическая именная категория. 18. Художественная литература. 21. Музыкально-поэтическое произведение. 23. Часть ходового механизма часов. 25. Русский флотоводец. 28. Скульптурное изображение. 29. Советский физик, академик. 30. Электронная лампа. 31. Месяц года. 32. Административно-территориальная единица в СССР.

По вертикали: 1. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 2. Цветок. 3. Твердое тело космического происхождения. 4. Химический элемент. 5. Гидротехническое сооружение. 6. Норвежский полярный путешественник и исследователь. 13. Немецкий физик. 14. Актер, играющий в кинокомедии «Верные друзья». 16. Дорожка в парке, саду. 17. Первая ступень гаммы. 19. Русский поэт. 20. Вид ивы. 22. Спутник планеты Нептун. 24. Приманка для рыб. 26. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 27. Драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 4. Антарктида. 7. «Овод». 8. Рубо. 9. Кимоно. 10. Пицунда. 11. «Квартет». 12. Зеравшан. 15. Коненков. 17. Акселерометр. 20. Ангстрем. 22. Аренский. 24. Семафор. 26. Деление. 28. Иматра. 29. Крот. 30. Фрак. 31. Абитуриент.

По вертикали: 1. Атакама. 2. Сирокко. 3. Колизей. 4. Адан. 5. Арфа. 6. Козерог. 13. Аванс. 14. Налим. 15. Крона. 16. Нерис. 18. Индейка. 19. «Кирилка». 21. Еврипид. 23. Радамес. 25. Фата. 27. Лифт.

На обложке: Лето.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

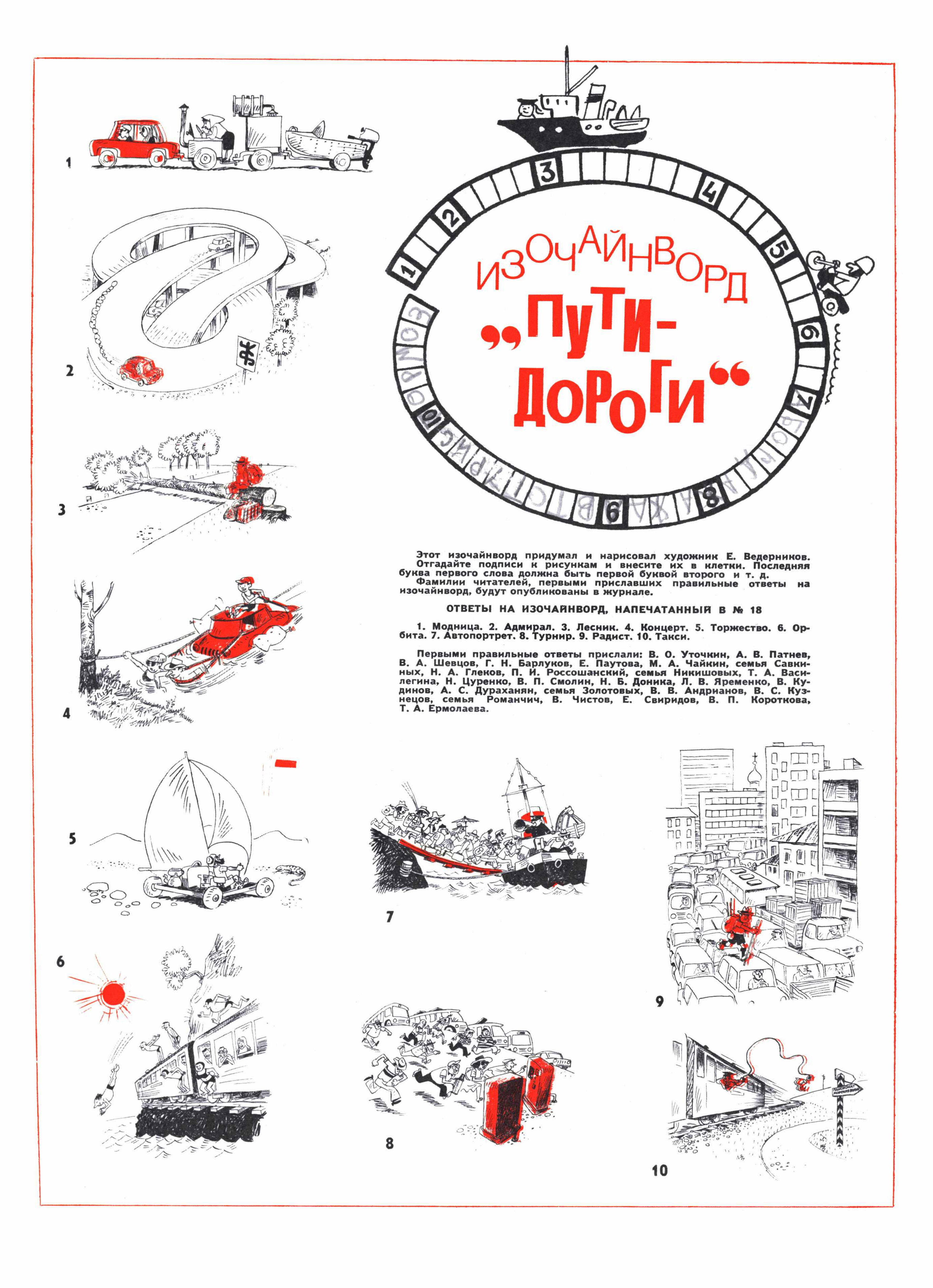
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/VII-72 г. А 00713. Подп. к печ. 19/VII-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1384. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 3189.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник Е. Ведерников.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

1. Модница. 2. Адмирал. 3. Лесник. 4. Концерт. 5. Торжество. 6. Орбита. 7. Автопортрет. 8. Турнир. 9. Радист. 10. Такси.

Первыми правильные ответы прислали: В. О. Уточкин, А. В. Патнев, В. А. Шевцов, Г. Н. Барлуков, Е. Паутова, М. А. Чайкин, семья Савкиных, Н. А. Глеков, П. И. Россошанский, семья Никишовых, Т. А. Василегина, Н. Цуренко, В. П. Смолин, Н. Б. Доника, Л. В. Яременко, В. Кудинов, А. С. Дураханян, семья Золотовых, В. В. Андрианов, В. С. Кузнецов, семья Романчич, В. Чистов, Е. Свиридов, В. П. Короткова, Т. А. Ермолаева.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663